

П-16

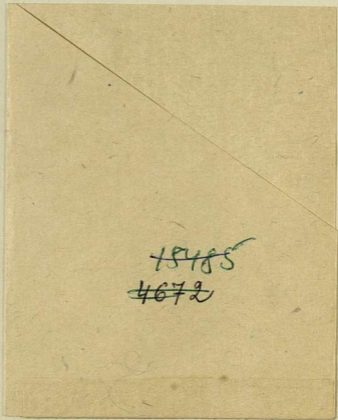
Л. ПАНТЕЛЕЕВ

РАССКАЗЫ

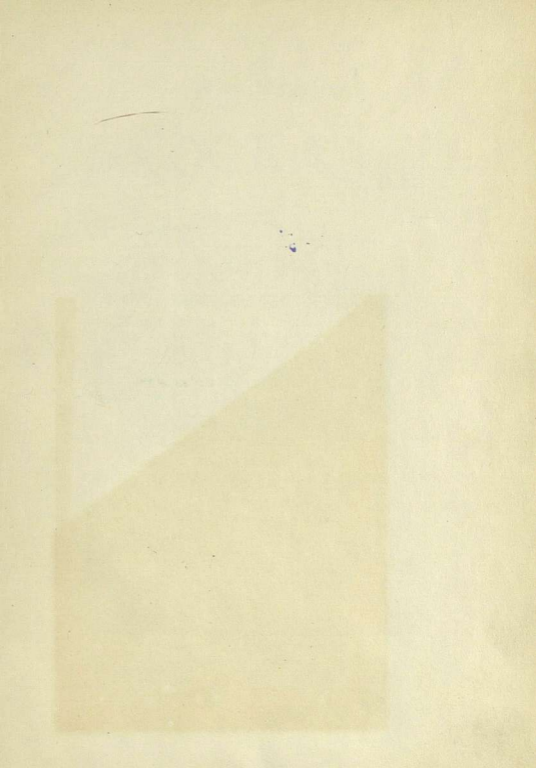
ДЕТГИЗ · 1947

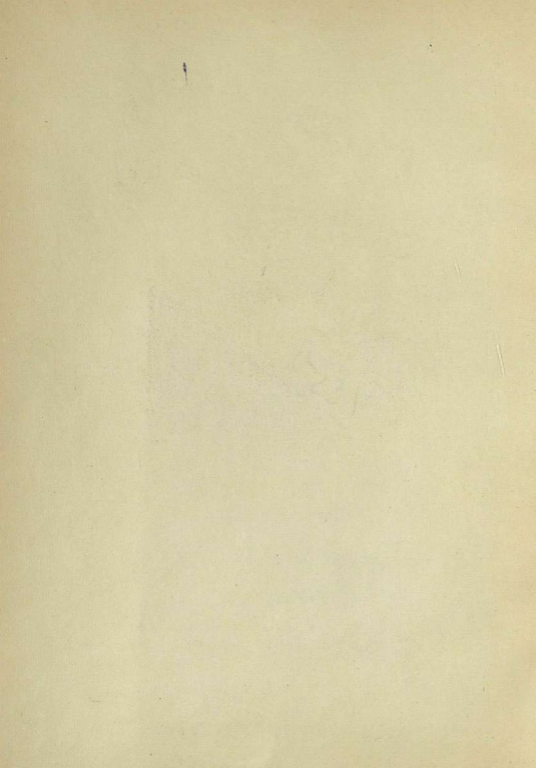
23

~~18485~~

~~4672~~

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

П-16

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

РАССКАЗЫ

и л л ю с т р а ц и и

А. Ермолаева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

Handwritten marks: "74" and "75" with some scribbles.

Handwritten vertical text: "74768 88154"

~~4692~~

153485

694448 из пер

Российская государственная
детская библиотека

НА ЯЛИКЕ

Большая широкобóкая лóдка подходила к нашему бéре-гу. Наб́итая дооткáза, сидела она́ б́чень н́зко в водé, шла мéдленно, одолевáя течéние, и б́ло в́дно, как т́го и трóдно погружáются в вóду вёсла и с каќм облегч́нием выскáльзывают он́ из неё, сверкáя на сóлнце и рассыпáя вокр́г себя́ т́сячи и т́сячи брызг.

Я сидёл на большóм тёплом и шершáвом кáмне у сáмой воды́, и мне б́ло так хорошó, что не хотéлось ни дв́гаться, ни оглédываться, и я дáже рад был, что лóдка ещё́ далекó и что, знáчит, мóжно ещё́ нёсколько минúт посидéть и подúмать... О чём? Да ни о чём осóбennem, а тóлько

о том, как хорошó сидеть, какóе милое нёбо над голо-
вóй, как чудёсно пахнет водóй, ракушками, смолёным дё-
ревом...

Я ужé давно не был за гóродом, и всё меня сейчáс по-настоящему радовало: и чáхлый одувáнчик, притайвший-ся под пыльным зóнтиком лопухá, и лёгкий, чуть слышный плеск нёвской волны, и бёлая бабóчка, то и дёло мелькáв-шая то тут, то там в ясном и прозрачном вóздухе. И рáзве мóжно бýло в эту мину́ту поверить, что идёт война, что фронт совсём рядом, что он тут вот, за этими крышами и тру́бами, откúда изо дня в день летя́т в наш осаждённый гóрод немецкие бомбардирóвщики и дальнóбóйные бризáнт-ные¹ снаряды! Нет, я не хотёл думáть об этóм, да и не мог думáть, так хорошó мне бýло в этот солнечный ию́ньский день.

* * *

А на мáленькой пристаньке, кудá должнá былá причá-лить лóдка, ужé набýлся нарóд. Ялик подходил к бёрегу, и чтóбы не потерять óчереди, я тóже прошёл на пристань и смешáлся с толпóй ожидающих. Этó бýли всё жёнщины, всё бóльше пожилые рабóтницы.

Нёкоторые из них ужé перекликались и переговáрива-лись с тёми, кто сидёл в лóдке. Там тóже бýли почтí однй жёнщины, а из нáшего брата тóлько нёсколько командиров,

---

¹ Бризáнтные — разрывные, рвущиеся в вóздухе.

один военный моряк да сам перевозчик, человек в неуклюжем брезентовом плаще с капюшоном¹. Я видел пока только его спину и руки в широких рукавах, которые ловко, хотя и с напряжением, работали веслами. Лодку относило течением, но всё-таки с каждым взмахом весел она всё ближе и ближе подходила к берегу.

— Матвёй Капитоныч, поторопись! — кричал кто-то из ожидающих.

Гребец ничего не ответил. Подводя лодку к мосткам, он чуть-чуть повернул голову, и тут я увидел его лицо. Это был мальчик лет одиннадцати-двенадцати, а может быть, и моложе. Лицо у него было худенькое, серьёзное, строгое, тёмное от загара, только бровки были смешные, детские, совершенно выцветшие, белые, да из-под широкого козырька огромной боцманской фуражки с якорем на околыше падали на запотевший лоб такие же белобрысые, соломенные, давно не стриженные волосы.

По тому, как тепло и дружно приветствовали его у нас на пристани женщины, было видно, что мальчик не случайно и не в первый раз сидит на веслах.

— Капитану привёт! — зашумели женщины.

— Мотенька, давай, давай сюда! Заждались мы тебя!

— Мотенька, поспеши, опаздываем!

— Матвёй Капитоныч, здравствуй!..

---

¹ С капюшоном (капюшон) — с откидным головным убором, пришитым к вороту одежды.

— Отойди, не мешай, бабы! — вместо ответа закричал он каким-то хриплым, простуженным баском, и в эту минуту лодка ударилась о стенку причала, качнулась и заскрипела.

Мальчик зацепил веслом за кромку мостков, кто-то из военных спрыгнул на пристань и помог ему причалить лодку.

Началась выгрузка пассажиров и посадка новых.

Маленький перевозчик выглядел очень усталым, с лица его катил пот, но он очень спокойно, без всякого раздражения, сурово и повелительно распоряжался посадкой.

— Эй, тетка! — покрикивал он. — Вон ты, с противогазом которая. Садись с левого борта. А ты, с котелком, — туда... Тихо. Осторожно. Без паники. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Он сосчитал, сбился и ещё раз пересчитал, сколько людей в лодке.

— Довольно. Хватит. За остальными после приеду.

Оттолкнувшись веслом от пристани, он подобрал свой брезентовый балахон¹, уселся и стал собирать двугривенные за перевоз.

Я, помню, дал ему рубль и сказал, что сдачи не надо. Он шмыгнув носом, усмехнулся, отсчитал восемь гривен, подал их мне вместе с квитанцией и сказал:

---

¹ Балахон — широкая, длинная одежда.

— Если у вас лишние, так положите их лучше в сберка́ссу.

Потом пересчитал собранные деньги, вытащил из кармана большой старомодный кожаный кошёл, ссыпал туда монеты, защёлкнул кошёл, спрятал его в карман, уселся поудобнее, поплевал на руки и взялся за вёсла.

Большая, тяжёлая лодка, сорвавшись с места, легко и свободно пошла вниз по течению.

* * *

И вот, не успели мы как следует разместиться на своих скамейках, не успел наш ялик отойти и на сотню метров от берега, случилось то, чего, казалось бы, уж никак нельзя было ожидать в этот солнечный, безмятежно спокойный летний день.

Я сидел на корме. Передо мной лежала река, а за нею — Каменный остров, над которым всё выше и выше поднималось утреннее солнце. Густая зелёная грива висела над низким, отлогим берегом. Сквозь яркую и свежую листву виднелись отсюда какие-то домики, какая-то беседка с белыми круглыми колоннами, а за ними... Но нет, там ничего не было и не могло быть. Мирная жизнь спокойно, как река, текла на этой цветущей земле. Легкий дымок клубился над пестрыми дачными домиками. Чешуйчатые рыбацьи сети сушились, растянутые на берегу. Белая чайка летала. И было очень тихо. И в лодке у нас тоже поче-

мѹ-то стáло тише, тóлько вёсла мёрно стучáли в уклѹчи-
нах¹ да за бѹртом так же мёрно и неторопливо плескáлась
водá.

И вдруг в ѳту счастливую, безмятежную тишину́ во-
рвáлся издалекá звук, похожий на отдалённый гром.
Лёгким гулом он прошёл по рекé. И тóтчас же в кáждом из
нас чтѹ-то ёкнуло и привычно насторожилось. А какáя-то
жёнщина, прáвда нѣ очень испуганно и не очень громко,
вскрикнула и сказáла:

— Ой, что ѳто, бáбоньки?

В ѳту мину́ту вторѹй, бѹлее сѣльный удар размáшистым
ѹтзвуком прокатился по рекé. Все посмотрели на мáльчика,
котѹрый, кáжется единственный в лѹдке, не обратил ника-
кѹго внимáния на ѳтот подозрительный грѹхот и продолжáл
спокойно грести.

— Мѹтенька, что ѳто? — спросили у него́.

— Ну, что! — сказáл он, не поворачивая головы́. — Ни-
чегѹ особенного. Зенитки.

Гѹлос у него́ был какѹй-то скѹчный и дáже грустный,
и я невольнѹ посмотрел на него́. Сейчáс он показáлся мне
почему́-то ещё моло́же, в нём было чтѹ-то совсѣм дѣтское,
младѣнческое: ѹши под большѣм картузѹм смешнѹ оттопы-
ривались в стѹроны, на загорелых щека́х проступáл лёгкий
бѣлый пушѹк, из-под широкого и жѣсткого, как хомѹт,
капюшѹна торчáла тѹнная, цыплячья ше́йка.

---

¹ В у к л ю ч и н а х (уклѹчина) — в местáх, куда вклáдывают-
ся вёсла.

А в чѣистом, безоблачном небѣ уже бушевала гроза. Тепѣрь уже и мне было ясно, что гдѣ-то на подступах, на фортах, а может быть, и ближе работают наши зенитные установки. Как видно, вражеским самолѣтам удалось пробиться сквозь первую линию огня, и тепѣрь они уже летѣли к городу. Канонада усиливалась, приближалась. Всѣ новые и новые батареи вступали в дѣло, и скоро отдѣльные залпы стали неразличимы — обгоняя друг друга, они сливались в один сплошной гул.

— Летит! Летит! Поглядите-ка! — закричали вдруг у нас в лодке.

Я посмотрѣл и ничего не увидѣл. Только мягкие, пушистые дымчатые клубочки таяли то тут, то там в ясном и высоком небѣ. Но сквозь гром зенитного огня я слышал знакомый прерывистый рокот немецкого мотора.

Гребѣц наш тоже мельком, ѣскаса посмотрѣл на небо.

— Ага. Развѣдчик, — сказал он пренебрежительно.

И я даже улыбнулся, как это он быстро нашѣл самолѣт и с какой точностью определил, что самолѣт этот не какой-нибудь, а именно развѣдчик. Я хотѣл было попросить его показать мне, где он увидѣл этот развѣдчик, но тут будто огромной кувалдой¹ ударило меня по барабанным перепонкам, я невольно зажмурился, услышал, как закричали женщины, и изо всех сил вцепился в холодный, влажный борт лодки, чтобы не полетѣть в воду.

---

¹ Кувалдой (кувалда) — тяжелым молотом.

Это открыли огонь зенитные батареи на Каменном острове. Думалось, что дальше некуда: и так уже земля и небо дрожали от этого грома и грохота, а тут вдруг оказалось, что всё это были пустяки, что до сих пор было даже очень тихо и что только теперь-то и началась настоящая музыка воздушного боя.

Ничего не скажу — было страшно. Особенно, когда в воду и спереди и сзади, и справа и слева от лодки начали падать осколки.

Мне приходилось уже не раз бывать под обстрелом, но всегда это случалось со мной на земле, на суше. Там, если рядом и упадет осколок, его не видно. А тут, падая с шипением в воду, эти осколки поднимали за собой целые столбы воды. Это было красиво, похоже на то, как играют дельфины в теплых морях, но — если бы это действительно были дельфины!..

Женщины в нашей лодке уже не кричали. Перепуганные, они сбились в кучу, съежились, пригнули как можно ниже головы. А многие из них даже легли на дно лодки и защищали себя руками, как будто можно рукой уберечь себя от тяжелого и раскаленного куска металла. Но ведь известно, что в такие минуты человек не умеет рассуждать. Признаться, мне тоже хотелось нагнуться, зажмуриться, спрятать голову.

Но я не мог сделать этого.

Передо мной сидел мальчик. Ни на один миг он не

оста́вил вёсел. Так же уве́ренно и легко́ вёл он своё ма́ленькое су́дно, и на лице́ его́ я не мог проче́сть ни стра́ха, ни волне́ния. Он то́лько посма́тривал и́зредка то напра́во, то нале́во, то на не́бо, пото́м переводи́л взгляд на своих пассажи́ров — и усмеха́лся. Да, усмеха́лся. Мне да́же сты́дно ста́ло, я да́же покрасне́л, когда́ уви́дел э́ту улы́бку на его́ губа́х.

«Неужели он не боится? — подумал я. — Неужели ему́ не стра́шно? Неужто не хо́чется ему́ бро́сить вёсла, за́жму́риться, спря́таться под скаме́йку?.. А впроче́м, он ещё ма́ленький, — подумалось мне. — Он ещё не понима́ет, что тако́е смерть, по́тому, небо́сь, и улыба́ется так споко́йно».

Канона́да ещё не ко́нчилась, когда́ мы приста́ли к бе́регу. Не ну́жно бы́ло никогó подгоня́ть. Че́рез полмину́ты ло́дка была́ уже́ пустая. Под дожде́м оско́лков, совсе́м как э́то быва́ет под настоя́щим проливны́м дожде́м, же́нщины бежа́ли на бе́рег и прята́лись под густы́ми ша́пками призе́мистых дубко́в и столе́тних лип.

Я вы́шел из ло́дки последним. Ма́льчик вози́лся у прича́ла, затя́гивая како́й-то сло́жный морско́й у́зел.

— Послу́шай! — сказа́л я ему́. — Чего́ ты копа́ешься тут? Ведь, посмотри́, оско́лки летя́т...

— Чего́? — переспроси́л он, подня́в на секунду́ го́лову и посмотре́в на меня́ не о́чень любезно́.

— Я говорю́: хра́брый ты, как я погляжу́. Ведь стра́шно все́-таки. Неужели ты не бои́шься?

В это время тяжёлый осколок с тупым звоном ударился о самую кромку мостков.

— А ну проходите! — закричал на меня мальчик. — Нечего тут...

— Ишь ты какой! — сказал я с усмешкой и зашагал к берегу.

Я был обижен и решил, что не стоит и думать об этом глупом мальчишке.

Но, выйдя на дорогу, я всё-таки не выдержал и оглянулся. Мальчика на пристани уже не было. Я искал его глазами. Он стоял на берегу, под навесом какого-то склада или сарая. Вёсла свои он тоже притащил сюда и поставил рядом.

«Ага! — подумал я с некоторым злорадством. — Всё-таки, значит, немножко побавиваешься, голубчик!..»

Но, по правде сказать, мне всё ещё было немножко стыдно, что маленький мальчик оказался храбрее меня. Может быть, поэтому я не стал прятаться под деревьями, а сразу свернул на боковую дорожку и отправился разыскивать N-скую зенитную батарею.

* * *

Дела, которые привели меня на Каменный остров, к зенитчикам, отняли у меня часа полтора-два. Обрато в город меня обещали «подкинуть» на штабной машине, прибытия которой ожидали с минуты на минуту.

В ожидании машины, от нечего делать, я беседовал с командиром батареи о всякой всячине и между прочим рассказывал о том, как сложно я к ним добирался, и о том, как наш ялик попал под осколочный дождь.

Командир батареи, пожилой застенчивый лейтенант из запасных, почему-то вдруг очень смутился и даже покраснел.

— Да, да... — сказал он, вытирая платком лицо. — К сожалению, наши снаряды летают не только вверх, но и вниз. Но что же поделаешь! Это как раз те щепки, которые летят, когда лес рубят. Но всё-таки неприятно. Очень неприятно. Ведь бывают жертвы, свои люди гибнут. Вот как раз недели три тому назад тут перевозчика осколком убило.

Я, помню, даже вздрогнул, когда услышал это.

— Как перевозчика? — сказал я. — Где? Какого?

— Да вот тут как раз, на Неве, где вы переезжали. Хороший человек был. Сброк два года работал на перевозе. И отец у него, говорят, тоже на яликах работал. И дед.

— А сейчас там какой-то мальчик, — сказал я.

— Ха! — улыбнулся лейтенант. — Ну как же! Мотья! Матвей Капитоныч! «Адмирал Нахимов» мы его зовём. Это сынишка того перевозчика, который погиб.

— Как! — сказал я. — Того самого, который от осколка...

— Ну да. Именно. Того Капитон звали, а этого — Мат-

вѣй Капито́нович. То́же матро́с быва́лый¹. Лет е́му — не сосчита́ть как ма́ло, а рабо́тает — са́ми ви́дели: полу́чше, чем друго́й взро́слый. И прито́м, что бы ни́ было, всегда́ на посту́: и днём и но́чью, и в дождь и в бу́рю...

— И под оскóлками, — сказа́л я.

— Да, и под оскóлками. Э́того уж тут не избежи́шь! Оскóлочные дожди́ выпада́ют у нас, пожа́луй, поча́ще, чем обы́чные..

Лейтена́нт мне ещё что́-то говори́л, что́-то расска́зывал, но я пло́хо слу́шал его́. Почему́-то мне вдруг стра́шно захо́телось ещё́ раз уви́деть Мо́тю.

— Послу́шайте, това́рищ лейтена́нт, — сказа́л я подни́маясь. — Зна́ете, что́-то ва́ша маши́на застря́ла. А у меня́ вре́мени в обрэ́з. Я, пожа́луй, пойду́.

— А как же вы? — удиви́лся лейтена́нт.

— Ну что ж, — сказа́л я, — приде́тся о́пять на я́лике.

* * *

Когда́ я пришёл к перево́зу, я́лик ещё́ то́лько-то́лько отва́ливал от противополо́жного бе́рега. О́пять он был перепóлнен пассажи́рами, и о́пять ни́зкие бо́ртики его́ еле́-эле выгля́дывали из воды́, но так же легко́, споко́йно и уве́ренно рабо́тали вёсла и вели́ его́ на́искось по течё́нию, поблёскивая на со́лнце и оставля́я в во́здухе све́тлую

---

¹ Быва́лый — мно́го ви́девший, испытáвший.

радужную пыль. А солнце стояло уже высоко, припекало, и было очень тихо, даже как-то особенно тихо, как всегда бывает летом после хорошего проливного дождя.

На пристани ещё никого не было, я сидел один на скамеечке, поглядывал на воду и на приближающуюся лодку, и на этот раз мне уже не хотелось, чтобы она шла подольше, — наоборот, я ждал её с нетерпением. А лодка как будто чуяла это моё желание, шла очень быстро, и скоро в толпе пассажиров я уже мог разглядеть белый парусиновый балахон и ббцманскую фуражку гребца.

«И днём и ночью, и в дождь и в бурю», вспомнил я слова лейтенанта.

И вдруг я очень живо и очень ясно представил себе, как здесь вот, на этом самом месте, в такой же, наверно, хороший солнечный денёк, на этой же самой лодке, с этими же веслами в руках погиб на своём рабочем посту отец этого мальчика. Я отчётливо представил во всех подробностях, как это случилось. Как привезли старого перевозчика к берегу, как выбежали навстречу его жена и дети — и вот этот мальчик тоже, и какое это было горе, и как страшно стало, как потемнело у мальчика в глазах, когда какая-то чужая старуха всхлипнула, перекрестилась и сказала:

— Царство небесное. Помер...

И вот не прошло и месяца, а этот мальчик сидит на этой лодке и работает теми же веслами, которые выпали тогда из рук его отца.

«Как же он может? — подумал я. — Как может этот мальчик держать в руках эти страшные вёсла? Как может он спокойно сидеть на скамейке, на которой ещё, небось, не высохла кровь его отца? Ведь, казалось бы, он на всю жизнь должен был проникнуться смертельным ужасом и к этой заклятой работе, и к этой лодке, и к вёслам, и к чёрной нёвской воде. Даже отдалённый орудийный выстрел должен был пугать его и холодить жестокой тоской его маленькое сердце. А ведь он улыбался. Вы подумайте только — он улыбался давеча, когда земля и небо дрожали от залпов зенитных орудий!..»

Но тут мои размышления были прерваны. Весёлый женский голос звонко и раскатисто, на всю реку, прокричал за моей спиной:

— Матвёй Капитоныч, поторопись!..

Пока я сидел и раздумывал, на пристани уже скопилась порядочная толпа ожидающих. Опять тут было очень много женщин-работниц, было несколько военных и две или три девушки-дружинницы.

Лодка уже подходила к мосткам. Повторилось то же, что было давеча на том берегу. Ялик ударился о стенку причала, закачался и заскрипел. Женщины и на берегу и в лодке зашумели, началась посадка, и мальчик, стоя в лодке и придерживаясь веслом за борт мостков, не повышая голоса, серьёзно и деловито командовал своими пассажирами. Мне показалось, что за эти два часа он ещё больше осунулся и похудел, тёмное от загара и от усталости лицо

его блестяло, он тяжело дышал. Балахон свой он расстегнул, распахнул ворот рубашки, и оттуда выглядывала светлая полоска незагорелой кожи.

Когда я входил в лодку, он посмотрел на меня, улыбнулся, показав на секунду маленькие белые зубы, и сказал:

— Что? Уж обратно?

— Да. Обратно, — ответил я и почему-то очень обрадовался — и тому, что он меня узнал, и тому, что заговорил со мной и даже улыбнулся мне.

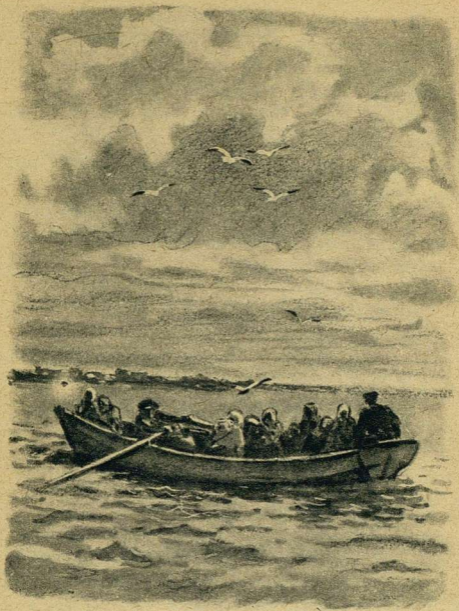
Усаживаясь, я постарался занять место поближе к нему. Это удалось мне. Правда, пришлось когó-то не очень вежливо оттолкнуть, но когда мальчик сел на своё капитанское место, оказалось, что мы сидим лицом к лицу.

Выполнив обязанности кассира, собрав двугривенные, пересчитав их и спрятав, Мотя взялся за вёсла.

— Только не шуметь, бабы! — строго прикрикнул он на своих пассажирок.

Те слегка притихли, а мальчик уселся поудобнее, поплевал на руки, и вёсла размеренно зашуршали в уключинах, и вода так же размеренно заплескалась за бортом.

Мне очень хотелось заговорить с мальчиком. Но, сам не знаю почему, я немножко робел и не находил, с чего начать разговор. Улыбаясь, я смотрел на его серьёзное, сосредоточенное лицо и на смешные детские бровки, на которых поблёскивали редкие светлые волосики. Внезапно он взглянул на меня, поймал мою улыбку и сказал:

— Вы чего смеётесь?

— Я не смеюсь, — сказа́л я небольшо́кко да́же испуганно. — С чего́ ты взял, что я смеюсь? Просто́ я люблю́сь, как ты лóвко работа́ешь.

— Как э́то лóвко? Обыкновенно́ работа́ю.

— Ох! — сказа́л я, покача́в головой. — А ты, адмирáл Нахíмов, я погляжу́, дядя́ сердíтый...

Он о́пять, но на э́тот раз, как мне показáлось, с не́кото́рым любопы́тством взгляну́л на меня́ и сказа́л:

— А вы отку́да зна́ете, что я — адмирáл Нахíмов?

— Ну, ма́ло ли! Слу́хом земля́ по́лнится.

— Что, на бата́реях бы́ли?

— Да, на бата́реях.

— А, тогда́ понятно́.

— Что тебе́ понятно́?

Он помолча́л, как бы разду́мывая, сто́ит ли вообще́ мно́го разгова́ривать со мной, и наконец́ отве́тил:

Команди́ры меня́ так дра́знят: адмирáлом. Я ведь их тут всех обслуж́иваю: и зени́тников, и ле́тников, и моря́ков, и из го́спиталей кото́рые...

— Да, брат, рабо́тки у тебя́, как ви́дно, хвата́ет, — сказа́л я. — Уста́ешь здо́рово, небо́сь? А?

Он ничегó не сказа́л, то́лько пожа́л плеча́ми. Что рабо́тки ему́ хвата́ет и что уста́ет он зве́рски, бы́ло и без того́ ви́дно. Ло́дка о́пять шла прóтив течéния, и вёсла с трудо́м, как в густу́ю че́рную гли́ну, погружа́лись в во́ду.

— Послу́шай, Матве́й Капито́ныч, — сказа́л я, помолча́в

и подумав, — скажи мне, пожалуйста, откровенно, по совести: неужели тебе давеча не страшно было?

— Это когда? Где? — удивился он.

— Ну, давеча, когда зенитки работали.

Он усмехнулся и с каким-то не то что удивлением, а пожалуй, даже с сожалением посмотрел на меня.

— Вы бы ночью сегодня поглядели, что было. Вот это да! — сказал он.

— А разве ты ночью тоже работал?

— Я дежурил. У нас тут на Деревообдѣлочном он зажигалок набросал целый воз. Так мы тушили.

— Кто «мы»?

— Ну, кто? Ребята.

— Так ты что — и не спал сегодня?

— Нет, спал немного.

— А ведь у вас тут частенько это бывает.

— Что? Бомбѣжки-то? Конечно, часто. У нас тут вокруг батареи. Осколки как начнут сыпаться, только беги.

— Да, — сказал я. — А ты вот, я вижу, всё-таки не бежишь.

— А мне бежать некуда, — сказал он усмехнувшись.

— Ну, а ведь честно-то, по совести — обязательно всё-таки?

Он опять подумал и как-то очень хорошо, просто и спокойно сказал:

— Бойся не бойся, а уж если попадѣт, так попадѣт. Легче ведь не будет, если бояться.

— Это конечно, — улынулся я. — Легче не будет.

Мне всё хотелось задать ему один вопрос, но как-то язык не поворачивался. Наконец я решился:

— А что, Мотя, правда, что у тебя тут недавно отец погиб?

Мне показало́сь, что на одно мгновение вёсла дрогнули в его руках.

— Ага, — сказал он хрипло и отвернулся в сторону.

— Его́ что — оско́лком?

— Да.

— Так вот, видишь, кака́я это о́пасная штука, оско́лки эти...

Целую мину́ту он молча́л, налега́я на вёсла. Потом, так же не глядя на меня́, а куда́-то в сторону, хриплым, басовитым и, как мне показало́сь, да́же не своим го́лосом сказа́л:

— Воды́ боя́ться — в мо́ре не быва́ть.

— Это́ правильно. Это́ хорошо́ сказа́но. Ну, а всё-таки ра́зве ты об это́м не ду́мал? Е́сли и тебя́ э́так же?

— Что меня́?

— Оско́лком.

— Тьфу, тьфу! — сказа́л он, сердито посмотре́в на меня́ и как-то ли́хо и замыслова́то, как ста́рый, быва́лый матро́с, плюну́в че́рез ле́вое плечо́.

Потом, заме́тив, что я улыба́юсь, не вы́держал, сам улыну́лся и сказа́л:

— Ну что ж! Конечно́, мо́гут. Вся́кое быва́ет. Мо́гут и

убить. Тогда что ж... Тогда, значит, придётся Мánьке за вёсла садиться.

— Какóй Мánьке?

— Ну какóй! Сестрénке. Она́, вы не думайте, она́ хоть и ма́ленькая, а си́лы-то у неё побольше, чем у друго́го паца́на. На спíнке Неву́ переплывáет тудá и о́брáтно.

Бесéдуя со мной, Мóтя ни на одну́ мину́ту не оставля́л управлénия лóдкой. Она́ уже́ миновáла середíну реки́ и тепёрь, относíмая течénием в стóрону, шла нáискось к пра́вому, высóкому бéрегу. А там уже́ поблёскивали кóе-где стёкла в сéреньких дощáтых дóмиках, из-за дра́нковых¹, тóлевых² и желéзных крыш выгля́дывали ча́хлые пы́льные деревца́, а над нíми без конца́ и без кра́я расстилáлось бесцвётное бледноголуббе, как разбáвленное молоко́, сéверное нéбо.

И о́пять на ма́ленькой пристани уже́ толпíлся наро́д, уже́ слы́шен был шум голосóв, и уже́ кто́-то крича́л что́-то и маха́л нам руко́й.

— Мóтя-а-а! — расслы́шал я и, взгляде́вшись, уви́дел, что кричи́т э́то ма́ленькая де́вочка в бёлом платóчке и в ка́ком-то бесцвётном дли́нном, как у цыга́нки, пла́тье.

— Мóтя-а-а! — крича́ла она́, надрыва́ясь и чуть ли не со слезáми в го́лосе. — Живе́й! Чего́ ты копа́ешься там?..

---

¹ Дра́нковых (дра́нки) — из то́нких, узеньких дощéчек.

² Тóлевых (то́ль) — из то́лстого карто́на, не пропу́скающего во́ду.

Мотя и головы не повернул. Только подводя лодку к мосткам, он поглядел на девочку и спокойно сказал:

— Чего орешь?

Девочка была действительно совсем маленькая, босая, с таким же, как у Моти, загорелым лицом и с такими же смешными, выцветшими, белесыми бровками.

— Обедать иди! — загорячилась она. — Мама ждёт, ждёт!.. Уж горбх весь выкипел.

И в лодке и на пристани засмеялись. А Мотя неторопливо причалил ялик, дождался, пока сойдут на берег все пассажиры, и только тогда повернулся к девочке и ответил ей:

— Ладно. Иду. Принимай вахту.

— Это что? — спросил я у него. — Это Манька и есть?

— Ага. Манька и есть. Вот она у нас какая! — улыбнулся он, и в голосе его я услышал не только очень теплую нежность, но и настоящую гордость.

— Славная девочка, — сказал я и хотел сказать ещё что-то.

Но славная девочка так дерзко и сердито на меня посмотрела и так ужасно сморщила при этом свой маленький загорелый, облупившийся нос, что я проглотил все слова, какие вертелись у меня на языке. А она шмыгнула носом, повернулась на босой ноге и, подобрав подол своего цыганского платья, ловко прыгнула в лодку.

— Эй, бабы, бабы!.. Не шуметь! Без паники! — закричала она хриплым, простуженным баском, совсем как Мотя.

«И, навѣрное, совсѣм как покойный отецъ», подумалось мне.

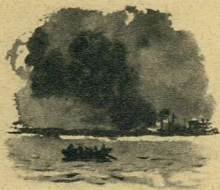
Я попрош^ался с Мотей, протянул ему руку.

— Ладно. До свиданья, — сказал он не очень внимательно и подал мне свою маленькую крепкую, шершавую и мозолистую руку.

Поднявшись по лесенке навѣрх, на набережную, я оглянулся.

Мотя в своём длинном и широком балахоне и в огромных рыбацких сапогах, удаляясь от пристани, шёл уже по узенькой песчаной отмели, слегка наклонив голову и по-матросски покачиваясь на ходу.

А ялик уже отчалил от берега. Маленькая девочка сидела на вёслах, ловко работала ими, и вёсла в её руках весело поблѣскивали на солнце и рассыпали вокруг себя тысячи и тысячи брызг.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Лейтенант Фридрих Буш, лётчик германской разведывательной авиации, и новодеревенский школьник Лёша Михайлов в один и тот же день получили награды: лейтенант Буш — железный крест, а Лёша Михайлов — медаль «За оборону Ленинграда». Как сказано было в приказе германского командования, лётчик Буш представлялся к награде «за отличную разведывательную деятельность над позициями противника у Ленинграда, в результате чего были обнаружены и уничтожены 12 зенитных установок русских». А Лёша Михайлов получил медаль как раз за то, что

помог немецким самолётам обнаружить эти двенадцать батарей...

Вы, я вижу, удивлены. Вы думаете, что это ошибка или печатка. Что же, выходит, что Лёша Михайлов — предатель? Почему же он тогда получил советскую награду, а не какой-нибудь тоже медный или оловянный немецкий крест?

А между тем никакой ошибки тут нет. Лёша Михайлов получил свою награду по заслугам. А вот за что получил её лейтенант Фридрих Буш, это неизвестно. Хотя, если разобраться, может быть он и в самом деле неплохо выполнил свою боевую задачу. Ведь он действительно обнаружил на подступах к Ленинграду двенадцать зенитных батарей. Правда, без помощи Лёши Михайлова и других ребят он вряд ли что-нибудь обнаружил бы...

Ну, да, впрочем, так вы всё равно ничего не поймёте, надо всё рассказать по порядку.

* * *

Лёша Михайлов жил, как я уже сказал, в Новой Деревне. Около их дома, за огородами, был пруд. На том берегу пруда в небольшой рощице стояла зенитная батарея. Почти каждую ночь, когда с финской стороны летели на Ленинград немецкие бомбардировщики, батарея открывала огонь. Конечно, не одна батарея. Их там вокруг было много. От

этого огня в михайловском доме, как и в других соседних домах, давно уже не осталось ни одного стекла — окна были заколочены досками или фанерой или заткнуты подушками.

Батарей была хорошо замаскирована. В обычное время, когда она помалкивала, не работала, её не только с воздуха, но и с земли нельзя было разглядеть. Но, конечно, это только взрослые не могли разглядеть. А от ребят разве что-нибудь скрбешь?

Ребята ещё давно, ещё в самом начале войны, когда только появилась у них эта батарея, всё, что им нужно было, разнюхали, разведали и знали теперь батарею, наверно, не хуже самих зенитчиков. Знали и сколько там орудий, и какого они калибра, и сколько у орудий прислуги, и кто командир, и где снаряды лежат, и как заряжают, и как стреляют, и как команду подаёт.

Работала батарея только по ночам. Наутро после налёта бомбардировщиков почти всякий раз прилетал в деревню маленький, лёгкий, похожий на стрекозу немецкий самолёт-разведчик «Хеншель-126». Иногда он по полчаса и больше кружил над деревней, выискивая расположение русских зениток. Но батарея молчала. И «Хеншель-126», повертевшись и покружившись, улетал восвояси.

Сначала ребята удивлялись:

— Чего ж они не стреляют? Ведь он же прямо совсем на куриной высоте летит! Его с одного выстрела подбить можно!..

Один раз они даже не выдержали и закричали через колючую проволоку командиру батареи, который в это время как раз разглядывал в бинокль вражеский разведчик:

— Товарищ старший лейтенант! Чего ж вы смотрите? Хлопните его из второго орудия. В самый раз будет.

Командир оторвался от бинокля и с удивлением посмотрел на ребят.

— Это что такое? — крикнул он строго. — Вы как сюда попали?

Ребята переглянулись, а Лёша Михайлов за всех ответил:

— Мы так... потихóнечку... замаскирова́лись.

— Ах, вот как? Замаскирова́лись? Ну, так и я вот то́же маскиру́юсь. Поня́тно?

— Ага́. Поня́тно, — сказа́л, подумав, Лёша: — что́бы, значит, не обнару́жили и не засе́кли?

— Во-во, — сказа́л командир. — А вообще́ — пошли́ вон отсю́да! Ра́зве не зна́ете, что сю́да нельзя́ ходи́ть?

— Зна́ем, — отве́тили ребя́та. — Да мы не хóдим, мы ползаем.

— Ну и ползи́те обра́тно.

Дня́ че́рез три, ве́чером, на бата́рее была́ объя́влена боева́я трево́га. Не успе́л отзвене́ть сигна́л, как ребя́та уже́ сиде́ли на своём обы́чном ме́сте — в куста́х на бере́гу пруда́. Кто́-то из бата́рейцев их заме́тил и сказа́л команди́ру.

— Ах, вот как? — закрича́л командир, узна́в Лёшу Миха́йлова. — Опя́ть э́то ты? Ну, погодя́, попади́сь ты мне!..

Лёша и това́рищи его́ убежа́ли, но и по́сле, коне́чно, подгля́дывали за бата́рейцами, то́лько ста́ли немно́жко осто́рожнее.

А в ноя́бре ме́сяце, перед са́мыми пра́здниками, случи́лась э́та са́мая исто́рия, за кото́рую Лёша Миха́йлов с това́рищами чуть не угоди́ли в трибуна́л.

Ну, да, впрóчем, не бу́дем забега́ть вперёд. Бу́дем расказа́ывать и да́льше по поря́дку.

Выдался как-то очень хороший зимний денёк. Снегу насыпало — ни пройти, ни проехать. После школы выбежали ребята на улицу гулять. Стали играть в снежки. Поиграли немного — надоело. Кто-то предложил:

— Давайте лепить снежную бабу.

А Лёша Михайлов подумал и вдруг говорит:

— Нет, ребята, давайте лучше не бабу. Давайте знаете что? Построим снежную крепость! Или батарею зенитную! С блиндажом и со всем, что полагается...

Затягивая ребят, и вот на пруду, за Михайловскими огородами, по соседству с настоящей зенитной батареей началось строительство игрушечной, снежной и ледяной, огневой точки.

Работали ребята весь день до вечера. Катали снежные комья, возводили стены, брустверы¹, орудийные площадки... И получилось у них здорово. Всё как настоящее. Даже пушку соорудили, и пушка у них была не какая-нибудь, а самая «всамделишная», зенитная, из какой-то старой оглобли, и даже вертелась, и можно было из неё прицеливаться.

Это было в субботу. На следующий день ребята с утра достраивали свою крепость, когда над их головами в без-

---

¹ Брустверы — места, служащие для укрытия стрелков от неприятельского огня.

облачном зѣмнем небѣ появилсѣ старѣй новодеревѣнский знакомѣй — «Хѣншель-126». На ѣтот раз он прилетѣл ѡчень кстѣти. Игрѣть стѣло ещѣ интереснѣе.

— Вѡздух! — закричѣл Кѡська Мѣхин, малѣнький веснѣщатѣй паренѣк по прѡзвищу «Мѣха».

— Тревога! — закричѣл Лѣша Михѣйлов. — Товѣрищи бойцѣы, по местѣм!

Он пѣрвый подбежѣл к игрушечной пушке и стал навѡдѣть еѣ на настоящѣй вражеский самолѣт.

— По фашистским стервятникам — огѡны! — скомѣндовал он и сам отвѣтил за своѣю пушку: — Бах! Бах!

— Бам-ба-ра-ра-ах! — хѡром подхватѣли ребѣята.

А развѣдчик, как всегда, повертѣлся, покрутѣлся и улѣтел в стѡрону фрѡнта.

Ребѣята ещѣ немнѡго поиграли, потѡм разошлѣсь.

Лѣшу Михѣйлова позвѣли домѡй ѡбѣдать. Он с удовѡльствием вѣхлебал своѣю мѣску капѣстной похлѣбки и ужѣ собирѣлся попросѣть у мѣтери добѣвочки и дѣже протянул для ѣтого мѣску, как вдруг мѣска вѣлетѣла из егѡ рук. Оглушѣтельный удѣр, а за ним вторѡй и трѣтий прогремѣли, как емѣ показѣлось, над сѣмой егѡ головѡй. Стѣны михѣйловского дѡма зашатѣлись, посыпѣлась штукатурка, на кѣхне чтѡ-то упѣло и со звѡном покатылѡсь.

— Бомбѣят! Бомбѣят! — кричѣл ктѡ-то на ѣлицѣ.

Там ужѣ работѣли зѣнитки, стучѣл пулемѣт, и гдѣ-то высоко в небѣ приглушѣнно гудѣли моторѣы немѣцких пикировщѣиков.

— А ну, живо лѣзьте в подпóлье! — скомáндовала Лѣшина мать, отодвигáя стол и поднимáя тяжѣлую крýшку лю́ка.

Ба́бушка, а за не́ю Лѣшины сѣстры и млáдший брат полѣзли в подва́л, а сам Лѣша, по́льзуясь сумато́хой, сорва́л со стéны ша́нку и побежа́л в сѣни.

Во дворе́ он чуть не столкнóлся с Кóськой Мúхиным. Мúха едвá дыша́л, лицó у него́ бы́ло блѣдное, губы дрожа́ли.

— Ой, Лѣшка! — забормотáл он, испугáнно оглядываясь и шмы́гая нóсом. — Ты зна́ешь... беда́ какáя...

— Что? Какáя беда́?

Мúха не мог отды́шаться.

— Ты зна́ешь, ведь э́то... ведь э́то ж на́шу батаре́ю сейча́с бомби́ли.

— Ну да! Не ври! — сказа́л, побледнѣв, Лѣша.

— Ей-бо́гу! Сво́ими глаза́ми ви́дел — две бо́мбы... прямо́е попада́ние... и о́бе в на́шу батаре́ю. От не́е одни́ щёпочки оста́лись.

— Сам ви́дел, говори́шь?

— Говорю́ ж тебе́: сво́ими глаза́ми ви́дел. Мы с Ва́лькой Вдо́виным за водо́й ходи́ли, увида́ли — и срáзу туда́. Я убежа́л, а он..

— Что?! — закрича́л Лѣша и с си́лой схвати́л това́рища за плѣчи.

— Егó... егó на батаре́ю увели́. На настоя́щую, — сказа́л Мúха и, опустив гóлову, запла́кал.

Неме́цкие самолёты разбомби́ли игру́шечную кре́пость и улетели.

На бата́реях прозвуча́л отбо́й возду́шной трево́ги, по-немно́гу успоко́илось всё и в са́мой дере́вне, а Ва́лька Вдо́вин всё ещё не возвраща́лся до́мой.

Ле́ша Миха́йлов не́сколько раз бе́гал к Ва́лькиной ма́тери. Он успока́ивал её, говори́л, что ви́дел Ва́льку «сво́ими глаза́ми», что он жив, что его́ пригласи́ли в го́сти зени́чки и, наве́рно, угоща́ют его́ там ча́ем и суха́рями.

Но сам Ле́ша не мог успоко́иться.

«Ведь э́то ж я виновáт, — ду́мал он. — Э́то я всё вы́думал с э́той дура́цкой кре́постью. А Ва́лька да́же не стро́ил её. Он то́лько сегóдня у́тром из Лени́нграда при-е́хал...»

Он уже́ собира́лся пойти́ на бата́рею и сказа́ть, что э́то он виновáт, а не Ва́лька, когда́ в дверь посту́чались и в ко́мнату ввали́лся сам Ва́лька Вдо́вин.

— Ага́, ты до́ма? — сказа́л он, оста́навливаясь в дверя́х.

— До́ма, до́ма, заходи́! — обра́довался Ле́ша.

— Да нет... я на мину́тку... я не бу́ду, — пробормота́л Ва́лька. — Кто-нибу́дь у вас есть?

— Нет, никогó нет. Ба́бушка спит, а ма́ма в о́чередь ушла́. Заходи́, не бо́йся.

— Ле́шка, — сказа́л Вдо́вин, не гля́дя на Ле́шу, — те-бя́, наве́рно, в трибуна́л отпра́вят. Суди́ть бу́дут.

— Меня? — сказа́л Лёша. — А отку́да ж узна́ли, что это я?

— Отку́да узна́ли? А это я на тебя сказа́л.

— Ты?!

— Да, я, — повторил Ва́лька и посмотре́л Лёше в глаза́. — Нача́ла не хоте́л говори́ть. Говорю́: знать, ниче́го не зна́ю. А пото́м командир батаре́и спра́шивает: «Э́то, ве́рно, та́кой чернявены́й, с поло́сатым ша́рфом... Миха́йлов его́, ка́жется, зову́т». Ну, я и сказа́л: «Да, говорю́, Миха́йлов». И а́дрес твой спроси́ли — я то́же сказа́л.

Лёша сто́ял, опусти́в го́лову.

— Так, — заговори́л он наконце́ц. — Зна́чит, и а́дрес сказа́л?

— Да. И а́дрес сказа́л.

— Ну и пра́вильно, — сказа́л Лёша. — Я бы все́ равно́ сам поше́л на батаре́ю. Я уже́ собира́лся да́же...

— Зна́чит, ты не се́рдишься?

Лёша посмотре́л на това́рища и усмехну́лся:

— Чуда́к! Нет, коне́чно.

Ва́лька схвати́л его́ за́ руку.

— Зна́ешь что? — сказа́л он. — А мо́жет, быть, тебе́ убежа́ть лу́чше?

— И не поду́маю, — сказа́л Лёша.

Пото́м он взгляну́л на Ва́льку, не вы́держал и тяжело́ вздохну́л.

— Как ты ду́маешь — расстре́лят? — спроси́л он.

Валька подумал немного и пожал плечами.

— Может быть, и не расстреляют, — ответил он не очень уверенно.

* * *

До вечера Лёша Михайлов ходил сам не свой. Приходили ребята, звали его гулять — он не вышел. Уроков он не учил, отказался от ужина и, раньше чем обычно, улегся спать. Но как ни старался, как ни ворочался с одного бока на другой, заснуть он не мог. Не то чтобы он очень боялся чего-нибудь. Нет, Лёша был, как говорится, не из трусливого десятка. Но всё-таки, как вы сами понимаете, положение у него было невеселое. Тем более что он чувствовал себя действительно виноватым. А мысль о том, что судить его будут в военном трибунале, как какого-нибудь шпиона или предателя, совсем убивала его.

«Может быть, и в самом деле лучше убежать? — думал он. — Попроюсь как-нибудь на фронт или к партизанам, навру чего-нибудь — скажу, что мне скоро тринадцать лет будет, — может, меня и возьмут. Пойду куда-нибудь в разведку и погибну... как полагается... а после в газетах напишут или, может быть, объявят Героем Советского Союза...»

Но убежать Лёша не успел. Перед самым рассветом он забылся и задремал. А в половине восьмого, раньше чем обычно, его разбудила мать.

— Лёша, Лёшенька! — говори́ла она́ испуганным го́лосом. — Просни́сь! Сынóчек!

— Чего́? — забормота́л Лёша, дры́гая спросо́нья ного́й.

— Встава́й скорей. За тобо́й прие́хали, тебя́ спраши́вают.

Лёша бы́стро сброси́л с себя́ одея́ло и сел в по́стели.

— Прие́хали? Из трибуна́ла? — сказа́л он.

— Из како́го трибуна́ла? Не зна́ю, воённы́й како́й-то прие́хал. На мотоциклётке.

«Эх, не успе́л убежа́ть!» подумал Лёша.

Застёгивая на ходу́ руба́шку и заты́гивая ремешо́к на живото́, он вы́шел на ку́хню.

У пе́чки стоя́л высо́кий красноарме́ец в полушубке и в ко́жаном шофёрском шлеме́. Он суши́л пе́ред пе́чкой свои́ меховы́е рукави́цы. От них шёл пар.

Уви́дев Лёшу, красноарме́ец как бу́дто слегка́ удиви́лся. Наверно́, он ду́мал, что Лёша немно́го постарше́.

— Миха́йлов Алексе́й — это́ вы бу́дете? — спроси́л он.

— Я, — отве́тил Лёша.

— Одева́йтесь. Я за ва́ми. Вот у меня́ пове́стка на вас.

— Ой, ба́тюшки-свёты, куда́ это́ вы его́? — испуга́лась Лёшина мать.

— А это́, мама́ша, воённая та́йна, — усмехну́лся красноарме́ец. — Е́сли вызы́вают — зна́чит, заслужи́л.

У Лёши не попада́ли в рукава́ ру́ки, когд́а он натя́гивал своё пальти́шко. Ма́ть хоте́ла ему́ помо́чь, он отстра́нил её.

— Ла́дно, ма́ма. Оста́вь. Я сам, — сказа́л он и почув́ствовал, что зу́бы у него́ всё-таки слегќа стуч́ат и го́лос дро́жит.

— Взять с собо́й что-нибу́дь мо́жно? Или не на́до? — спроси́л он, посмотре́в на красноарме́йца.

Тот о́пять усмехну́лся и ниче́го не сказа́л, а то́лько покача́л голово́й.

— Поё́хали, — сказа́л он, надева́я свои́ меховы́е перча́тки.

Лёша попроща́лся с ма́терью и поше́л к вы́ходу.

На у́лице у воро́т сто́ял яркоре́дный трофе́йный мото́цикл с приста́вной коля́ской-ло́дочкой.

Ещё́ вчера́ у́тром с ка́ким удо́вольствием прокати́лся бы Лёша Миха́йлов на виду́ у всей дере́вни в э́той пре́красной трехколёсной маши́не! А сейча́с он с трудо́м, еле́ волоча́ но́ги, забра́лся в коля́ску и ср́азу же по́днял воротни́к и спря́тал ли́цо: ещё́, не дай бог, уви́дит кто-нибу́дь из сосе́дей...

Красноарме́ец сел ря́дом, в седло́, и одни́м уда́ром но́ги завёл мото́р. Мото́цикл задрожа́л, зафу́кал, застуча́л и, сорва́вшись с ме́ста, помча́лся, взмета́я сне́жные хлопья́ и подпры́гивая на уха́бах, по зна́комой дере́вской у́лице.

Е́хали они́ о́чень недóлго. Лёша и оглянúться не успёл, как маши́на промчáлась по деревя́нному мóсту, сверну́ла за угол и остано́вилась у воро́т двухэта́жного ка́менного дóма. У воро́т сто́ял часовóй.

Лёша огляде́лся и узна́л э́тот дом. Когда́-то здесь был дётский сад.

«Э́то на Острова́х, — сообрази́л он. — Вот он, о́казы-
вается, где трибуна́л-то помещáется...»

— Вылезáйте, Алексе́й Миха́йлов. Пошли́, — сказа́л ему́ красноарме́ец.

«Ох, то́лько бы не запла́каты!» подумал Лёша, вылезáя из каби́нки и направля́ясь к воро́там.

Часовóй попроси́л у них про́пуск.

— К полкóвнику Шмелёву, — сказа́л Лёшин сопровож-
да́ющий и показа́л пове́стку.

Часовóй открýл калитку и пропусти́л их.

В большо́й наку́ренной ко́мнате, где когда́-то помещá-
лась, наве́рное, столо́вая дётского са́да, бы́ло сейча́с о́чень
мно́го воённых. Бы́ли тут и лётчики, и зенитчики, и моря́ки
с береговой оборо́ны. Бы́ли и красноарме́йцы и офице́ры.
Кто сидёл, кто сто́ял, прислонившись к стене́, кто расха́жи-
вал по ко́мнате.

— Погоди́те мину́тку, я сейча́с, — сказа́л Лёше его́
спу́тник и скры́лся за большо́й бе́лой двёрью.

Че́рез мину́ту он верну́лся.

— Посиди́, отдохни́, тебя́ вы́зовут, — сказа́л он и уше́л. Лёша присе́л на краёше́к скамьи́ и стал жда́ть.

Вдруг бе́лая дверь откры́лась, и из не́е вы́шел Лёшин знако́мый — тот са́мый ста́рший лейтена́нт, командир ново-дереве́нской бата́реи. Он уви́дел Лёшу, узна́л его́, но ниче́го не сказа́л, нахму́рился и поше́л к вы́ходу.

А Лёша да́же привста́л от волне́ния. Он да́же не сразу́ рассу́ждал, что его́ зову́т.

— Миха́йлов! Миха́йлов! Кто Миха́йлов? — говори́ли вокру́г.

— Я Миха́йлов! — закрича́л Лёша.

— Что ж ты не отклика́ешься! — сердито́ сказа́л ему́ мо́лоденький лейтена́нт в блестя́щих, как зе́ркало, са-пога́х.

Он сто́ял в дверя́х с каки́ми-то па́пками и спи́сками и уже́ це́лую мину́ту вызыва́л Лёшину фами́лию.

— Пройди́те к полко́внику, — сказа́л он, открыва́я бе́лую дверь.

«То́лько бы не запла́каты!» ещё́ раз подумал Лёша и, старая́сь держа́ться пра́мо, по-во́енному, шагну́л че́рез поро́г.

* * *

Пожило́й, стри́женный ёжиком полко́вник сиде́л за боль-ши́м столо́м и перели́стывал каки́е-то бума́ги.

— Миха́йлов? — спроси́л он, не гля́дя на Лёшу.

— Да, — отве́тил Лёша.

Полкóвник пóднял глазá и тóже как бóудто удивíлся, что Лёша такóй мáленький.

— Н-да, — сказáл он, разглядывая егó из-под густýх и мохнатýх, как у медвёдя, бровей. — Вот ты какóй, оказываётся. А нý-ка, подойд́и б́лиже.

Лёша подошёл к столу́. Полкóвник смотре́л на него́ стрóго, и седýе медвёжьи брóви егó всё б́лиже и б́лиже сдвига́лись к перенóсице.

— Так, знáчит, э́то ты постро́ил э́ту сне́жную крёпость, и́ли блинда́ж, и́ли что там... котóрую вчера́ разбомб́или «мёссеры»?

— Да... я, — прохрипéл Лёша и почувствовáл, что ещё минúта — и слёзы помешáют ему́ говорíть. — Тóлько ведь мы не нарóчно, товáрищ полкóвник, — прибáвил он, старáясь глядéть полкóвнику пря́мо в глазá. — Мы ведь игра́ли...

— Ах, вот как? Игра́ли?

— Агá, — прошептáл Лёша.

— Кто э́то — мы?

— Ну, кто? Реб́ята, одн́м слóвом.

— А кто зач́инщик? Кто в́думал всё э́то? Под ч́им руковóдством стрóили?

— Я в́думал. Под мо́им, — отвéтил Лёша, опуска́я гóлову.

И тут он не в́держал и запла́кал.

— Товáрищ полкóвник... пожа́луйста... простíte меня́, — пролепетáл он. — Я бóльше не б́ду...

— Э́то что — не бу́дешь?

— Играть не бу́ду...

— Вот тебе́ и на! — усмехну́лся полко́вник. — Как же э́то мо́жно — не играть?

— Ну... вообще́... блиндаже́й не бу́ду стро́ить.

— Не бу́дешь? Са́мым серьёзным о́бразом не бу́дешь?

— Са́мым серьёзным. Вот ей-бо́гу, хоть провалиться! — сказа́л Лёша.

— Н-да, — сказа́л полко́вник. — Ну, а е́сли мы тебя́ попра́сим?

— Что попросите?

— Да вот что-нибудь ещё построить — в этом же рёде. Крепость, или блиндаж, или дзот какой-нибудь...

Лёша поднял глаза. Полковник смотрел на него попрежнему серьёзно, не улыбаясь, только брови его разошлись от переносицы и под ними открылись синие, немного усталые и воспалённые от долгой бессонницы глаза.

— Видишь ли, дорогой товарищ, какая история, — сказал он. — Оказывается, что в военное время даже играть надо осторожно. Вот построили вы, например, батарею. Отлично, вероятно, построили, если немец её за настоящую принял. Но построили вы её где? Рядом с настоящей, боевой, действующей зенитной батареей. Это тебе известно?

— Известно, да, — чуть слышно проговорил Лёша.

— А ведь рядом не только батарея. Тут и жилые дома, живые люди...

— Товарищ полковник! — перебил его Лёша. — Да разве ж я не понимаю?!

— Понимаешь, да поздно, — строго сказал полковник. — Задним умом живёшь.

— Правильно. Задним, — вздохнув, согласился Лёша.

— А между тем, — продолжал полковник, — такие фальшивые, что ли, сооружения, как ваша крепость, нам, военным людям, очень и очень нужны. Они называются у нас ложными объектами. Чтобы замаскировать настоящий объект, отвести противнику глаза, где-нибудь

в сторонé стрóятся поддѣльные, декоративные, похожие на настоящие и всё-таки не настоящие укрепления и сооруже́ния: блиндажи́, окопы́, анга́ры¹, огневые то́чки, батареи́ — всё, чего́, однимъ сло́вом, душа́ пожела́ет.

Лёша давно́ уже проглотилъ слёзы и слу́шал полкóвника с такимъ внимáнием, что да́же рот открýл.

— Поня́тно тебе́? — сказа́л полкóвник.

— Ага́. Поня́тно, — кивну́л Лёша.

— Так вот, това́рищ Миха́йлов, не согласи́тесь ли вы постро́ить нам шту́чек пять-шесть такихъ ло́жных объе́ктов?

— Э́то кто? Э́то я? — чуть не закрича́л Лёша.

— Да. В о́бщем, ты и това́рищи твои́.

Лёша смотре́л на полкóвника и не понима́л, шу́тит онъ или нет.

— А из чего́ строить? Из снѣга? — спроси́л он.

— А э́то уж как вам хо́чется. Лу́чше всего́ из снѣга, коне́чно. Во-пе́рвых, материа́л дешёвый. А во-второ́х, кто же лу́чше ребят со снѣгом уме́ет рабо́тать?

— То́чно! — согласи́лся Лёша.

— Ну, так как же? — сказа́л полкóвник.

— Ну что ж, — отве́тил Лёша, для ва́жности почеса́в в заты́лке. — Мо́жно, коне́чно. То́лько вот бою́сь, что, пожа́луй...

— Что ещё за «пожа́луй»?

---

¹ Анга́ры — сооруже́ния, где храня́тся и сто́ят самолёты.

— Оглобель, боюсь, нехватит.

— Каких оглобель?

— Ну, которые вместо пушек. У нас ведь понарошку было: зенитки у нас не было, так мы оглобляю вместо неё...

— Понятно, — сказал полковник. — Ну что ж, товарищ Михайлов, оглобель уж мы вам как-нибудь раздобудем. За оглоблями дело не станет.

— Тогда что ж... тогда всё в порядке, — сказал Лёша.

Они ещё немножко поговорили, и через десять минут красивый штабной мотоцикл уже мчал Лёшу Михайлова обратно домой.

* * *

А что было дальше, я вам в подробностях рассказать не могу. Где и как строились ложные объекты, это, как вы сами понимаете, очень большая военная тайна. Могу только сказать, что строили их вместе с Лёшей Михайловым и Коська Мухин, по прозвищу Муха, и Валька Вдовин, и другие новодеревенские ребята. Но Лёша Михайлов был у них главным инженером. И в штабе, куда он теперь частенько заглядывал за указаниями и за инструкциями, его так и называли: военинженер первого ранга Алексей Михайлов.

Работали ребята, в общем, на славу. Иногда, если нужно было, и по ночам работали, забывали и пить и есть, не

жалели ни сна, ни времени своего, но в школу всё-таки бегали, не пропускали, а Лёша Михайлов даже умудрился в эти дни получить «отлично» по русскому письменному.

А «Хеншель-126» теперь уже не летал в Новую Деревню, а летал туда, где возникали одна за другой новые зенитные точки. Следом за ним прилетали тяжёлые «мессеры» и «фокке-вульф» и, не жалея боеприпасов, бомбили снежные блиндажи и деревянные орудия. А ребята сидели в это время дома или в убежище, прислушивались к далёким разрывам фугасок, переглядывались и посмеивались. И взрослые не понимали, чего они смеются, и сердились. Ведь никто не знал, что немцы бомбят снег, а ребята хранили военную тайну, как полагается...

Иногда, если немцы не замечали батарею и долго её не бомбили, ребятам приходилось достраивать или даже перестраивать её. Но таких было немного — две или три, а на остальные немцы «клевали», как рыба клюёт на хорошую приманку.

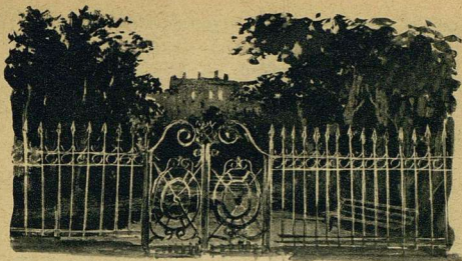
В тот день, когда фашистские самолёты разбомбили двенадцатую по счёту снежную батарею, Лёшу Михайлова с товарищами вызвали в Ленинград, в штаб фронта. Их принял командующий фронтом. Из его рук Лёша Михайлов получил медаль, а товарищи его — почётные грамоты, в которых было сказано, что они отличились на обороне города Ленина, «выполняя специальное задание командования».

В этот же день лейтенант Фридрих Буш, командир разведывательного самолёта «Хеншель-126», получил железный крест. Об этом писали немецкие фашистские газеты. Видели мы там и фотографию этого отважного лётчика. До чего же, вы знаете, глупое, самодовольное и счастливое лицо у этого «прославленного героя»!

Где-то он теперь, этот Фридрих Буш?

А Лёша Михайлов жив, здоров, попрежнему живёт в Новой Деревне и учится уже в восьмом классе.

ЧЁСТНОЕ СЛОВО

Однажды летом я сидел в городском саду и читал книгу. Книга была интересная, я зачитался и не заметил, как наступил вечер и стало темно. Тогда я закрыл книгу, поднялся и пошел к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шел очень быстро.

Вдруг я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку — там белел в темноте небольшой каменный домик, а около его стены стоял

мáленький мáльчик, лет семí и́ли восьмí, и, опусти́в го́лову, грóмко пла́кал.

Я подошёл и окли́кнул его́:

— Эй, что с тобо́й, мáльчик?

Он срáзу, как по кома́нде, переста́л пла́кать, по́днял го́лову, посмотре́л на меня́ и сказа́л:

— Ничего́.

— Как э́то — ничего́? Тебя́ кто оби́дел?

— Никто́.

— Так чего́ ж ты пла́чешь?

Ему́ ещё т́удно бы́ло говори́ть, он ещё не проглотил всех слёз, ещё всхли́пывал, ика́л, сопёл но́сом.

— Давáй пошли́, — сказа́л я ему́. — Смотри́, уже́ по́здно, уже́ сад закрывáется.

И я хоте́л взять мáльчика за́ руку. Но мáльчик поспéшно отде́рнул ру́ку и сказа́л:

— Не могу́.

— Что не мо́жешь?

— Итти́ не могу́.

— Как? Почему́? Что с тобо́й?

— Ничего́, — сказа́л мáльчик.

— Ты что — нездоров́?

— Нет, — сказа́л он, — здоров́.

— Так почему́ ж ты итти́ не мо́жешь?

— Я часово́й, — сказа́л он.

— Как часово́й? Како́й часово́й?

— Ну что вы не понима́ете! Мы игра́ем.

— А с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

— Не знаю.

Тут я подумал, что, наверно, мальчик всё-таки блен и что у него голова не в порядке.

— Послушай, — сказал я ему, — что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь, с кем?

— Да, — сказал мальчик, — не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?» Я говорю: «Хочу». Стали играть,

и мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик привёл меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад, в этом домике. А ты будешь часовым. Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдёшь». Ну, я и сказал: «Честное слово, не уйду».

— Ну, и что?

— Ну и вот. Стою, стою, а они не идут.

— Так! — улыбнулся я. — А давно они тебя сюда поставили?

— Ещё светло было.

— Так где же они?

Мальчик опять вздохнул и сказал:

— Я думаю, они ушли.

— Как ушли?

— Забыли.

— Так чего ж ты тогда стоишь?

— Я честное слово сказал..

Я уже хотел засмеяться, но потом подумал и понял, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось. А игра это или не игра — всё равно.

— Вот так история получилась! — сказал я ему. — Что же ты будешь делать?

— Не знаю, — сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Игги искать этих глупых мальчишек, кото-

рые поставили его на караул, взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где же их сейчас найдёшь, этих мальчишек! Они уж, небось, поужинали и давно спать легли.

А человек на-часах стоит. В темноте. И голодный, небось.

— Ты, наверно, есть хочешь? — спросил я у него.

— Да, — сказал он, — хочу.

— Ну, вот что, — сказал я подумав: — ты вали-бегги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

— Да, — сказал мальчик, — а это можно разве?

— Почему же нельзя?

— Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

— Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чём же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я сказал мальчику: «Подожди минутку», а сам, не теряя времени, побежал к выходу.

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и звонил там в свой колокольчик.

Я остановился у ворот и стал поджидать, не пройдёт ли

мимо какой-нибудь военный, какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как нáзло, ни один военный не показывался на улице.

Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то чёрные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошёл высокий железнодорожник в очень красивой шинели. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел возвращаться в сад, как вдруг увидел за углом, на трамвайной остановке, синюю офицерскую фуражку с красным кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Со всех ног я побежал к остановке. И вдруг, не успел добежать, вижу — к остановке подходит трамвай и офицер, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается войти в вагон.

Еле дыша, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

— Товарищ майор! Подождите! Товарищ майор!..

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

— В чём дело?

— Видите ли, в чём дело, — сказал я: — тут в саду, около белого домика, на часах стоит мальчик. Он не может

уйти, он дал честное слово... Он очень маленький. Он плачет...

Офицер посмотрел на меня с испугом. Наверно, он тоже подумал, что я блуден и что у меня голова не в порядке.

— Интересно знать, при чём же тут я? — сказал он.

Трамвай его ушёл, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чём дело, он не стал раздумывать и сразу же сказал:

— Идёмте! Конечно! Почему же вы мне сразу не сказали, в чём дело?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вёшал на ворота замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять он очень тихо плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

— Ну вот, я привёл начальника.

Увидев офицера, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и даже как будто на несколько сантиметров стал выше.

— Товарищ караульный, — обратился к нему офицер, — какое вы носите звание?

— Я сержант, — сказал мальчик.

— Товарищ сержант, приказываю оставить порученный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

— А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звездочек...

— Я майор, — сказал офицер.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

— Есть, товарищ майор: приказано оставить пост!

И сказал он это так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались. И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроем выйти из сада, как за нами закрыли ворота, и сторож несколько раз повернул ключ.

Майор протянул мальчику руку.

— Молодец, товарищ сержант! — сказал он. — Из тебя выйдет настоящий воин. До свиданья!

Мальчик что-то пробормотал и сказал:

— До свиданья...

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

— Может быть, тебя проводить? — спросил я у него.

— Нет, я близко живу. Я не боюсь, — сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не

испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Ещё неизвестно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

НОВЕНЬКАЯ

На улицах ещё не совсем рассвело и синие утренние тени ещё покрывали сугробы чистого, выпавшего за ночь снега, а Володька Бессонов уже бежал в школу. Бежал он очень быстро, во-первых, потому, что на улице было холодно — говорят, что таких морозов, как в этом году, не было уже много лет, — а во-вторых, Володьке очень хотелось самым первым явиться сегодня в класс. Вообще-то он не был особенно прилежным и выдающимся мальчиком. В другое время он, пожалуй, и опоздать не постеснялся бы. А тут, в первый день после долгих, бесконечно затянув-

шихся каникул, было почему-то здорово интересно притти именно первым и потом на каждом шагу и где только можно говорить:

— А вы знаете, я сегодня первый пришёл!

Он даже не остановился, чтобы посмотреть на огромные, выкрашенные в белую краску танки, которые, покачиваясь и оглушительно гроыхая, проходили в это время по улице. Да это было и не очень-то интересно: танков теперь в городе было, пожалуй, побольше, чем трамваев. На одну минуту только остановился Володька на углу — послушать радио. Передавали сообщение Информбюро. Радио хрипело, как простуженное. Володька половины не разобрал, постоял, шмыгнув носом и побежал дальше.

В раздевалке ещё горела синяя лампочка. Старая нянюшка дремала, положив голову на деревянный прилавок около пустых вешалок.

— Здравсти, нянечка! — заорал Володька, кидая свой портфель на прилавок.

Старуха испуганно вскочила и захлопала глазами.

— С добрым утром вас! Приятного аппетита! — затараторил Володька, снимая пальто и калоши. — Что? Не ждали? А я ведь, вы знаете, первый пришёл!!!

— А вот и врешь, — сказала нянька, потягиваясь и зевая.

Володька оглянулся и увидел на соседней вешалке маленькое пальто с белым кошачьим или заячьим воротником.

«Эх, надо же! — подумал он с досадой. — Какая-то всё-таки обскакала на полкилометра...»

Он попытался по виду определить, чье это пальто, но что-то не мог вспомнить, чтобы у какой-нибудь девочки в их классе было пальто с заячьим воротником.

«Значит, это из другого класса девчонка, — подумал он. — Ну, а в чужом классе не считается. Все равно я первый».

И, пожелав нянюшке «спокойной ночи», он подхватил свой портфель и поскакал навёрх.

...В классе за одной из первых парт сидела девочка. Это была какая-то совсем незнакомая девочка, маленькая, худенькая, с двумя белокурыми косичками и с зелёными бантиками на них.

Увидев девочку, Володька подумал, что он ошибся и заскочил не в свой класс. Он даже попытался обратно к двери. Но тут он увидел, что класс этот никакой не чужой, а его собственный четвёртый класс. Вон на стене висит рыжий кенгурёк с поднятыми лапами, вон коллекция бабочек в ящичке за стеклом, вон его собственная, Володькина, партка.

— С добрым утром! — сказал Володька девочке. — Хорошего аппетита! Как вы сюда попали?

— Я новенькая, — сказала девочка очень тихо.

— Ну? — удивился Володька. — А почему зимой? А чего ж ты так рано?

Девочка ничего не сказала и пожала плечами.

— Мо́жет быть, ты не в тот класс пришлá? — сказа́л Волóдка.

— Нет, в э́тот, — сказа́ла де́вочка. — В четвёртый «Б». Волóдка подумал, почеса́л заты́лок и сказа́л:

— Чур, я тебя́ пёрвый уви́дел.

Он прошёл к своёй па́рте, внима́тельно посмотре́л её, потро́гал для чего́-то кры́шку — всё бы́ло в по́рядке, и кры́шка открывáлась и закрывáлась, как полага́ется.

В э́то вре́мя в класс вошли́ две де́вочки. Волóдка захло́пнул па́рту и закрича́л:

— Кумачо́ва! Шмули́нская! Здра́вствуйте! С до́брым у́тром! У нас но́венькая... Я её пёрвый уви́дел!

Де́вочки остано́вились и то́же с удивле́нием посмотре́ли на но́венькую.

— Пра́вда? Но́венькая?

— Да, — сказа́ла де́вочка.

— А почему́ ты зимо́й? А как тебя́ зову́т?

— Морóзова, — сказа́ла де́вочка.

Тут появи́лось ещё не́сколько челове́к. Потóм ещё. И всем Волóдка объявля́л:

— Реба́та! У нас но́венькая! Её зову́т Морóзова! Я её пёрвый уви́дел!

Но́венькую обступили. Ста́ли разглядывать, расспра́шивать. Ско́лько ей лет? И как её зову́т? И почему́ она́ зимо́й поступа́ет в шко́лу?

— Я не ту́тэшня, потому́, — сказа́ла де́вочка.

— Что зна́чит «не ту́тэшня»?

— Ну, не здѣшняя значит.

— Ты что — не русская?

— Нет, русская. Только я с Украины приехала.

— Ну да! Правда?

— Правда, — сказала девочка.

Отвечала она очень тихо и коротко и, хотя не смущалась нисколько, была какая-то грустная, рассеянная, и всё время казалось, что ей хочется вздохнуть.

— Морозова, хочешь, давай будем сидеть со мной? — предложила ей Лиза Кумачова. — У меня место свободное.

— Давай, всё равно, — сказала новенькая и пересела на Лизину парту.

В этот день почти весь класс явился раньше, чем обычно.

Ребята не виделись всего две недели, но за это время у каждого накопилось новостей больше, чем в другое время за всё лето.

У Вольки Михайлова разбомбили дом, его вместе с матерью и сестрёнкой засыпало в убежище, и их два дня откапывали. Толя Семёнов жил за городом и видел «своими глазами», как наши зенитчики сбили настоящий немецкий «мессершмитт». У Жоржика Семёнова ушёл добровольцем на войну брат, известный лыжник и футболист. У Любы Казанцевой записалась в ополчение почти вся семья: два брата, отец и двоюродный дядя. У Шмулинской старшая сестра выиграла по займу три тысячи рублей и все их до

копеечки отдала в фонд обороны. А у Волóдьки Бессóнова хотя особенных новостей и не было, зато он тотчас придумал их: будто в их дом упали четыре зажигательные бомбы и он три из них затоптал валенками, а четвертую, когда валенки обгорели, заплевал, принёс домой и поставил на комод.

Волóдьке не поверили — знали, что он любит выдумывать, — но всё-таки дали ему поврать, потому что всё-таки это было интересно и потому ещё, что он очень смешно об этом рассказывал.

Заговорившись, ребята забыли о новенькой и не заметили, как прошло время. А за окном уже совсем рассвело, и вот в коридоре зазвенел звонок, зазвенел как-то особенно громко и торжественно.

Ребята быстрее, чем обычно, расселись по партам. В это время в класс вбежала запыхавшаяся длинноногая Вера Макарова.

— Ребята! — закричала она. — Вы знаете... Новости!..

— Что? Что такое? Какая? — закричали вокруг.

— Вы знаете, у нас... у нас... новенькая!..

— Ха! — захохотали ребята. — Новости! Давно без тебя знаем!..

— Новенькая учительница, — сказала Вера.

— Учительница?!!

— Ага! Вместо Элеоноры Матвеевны будет. Ой, вы бы видели! — Вера всплеснула своими длинными руками. — Хорошенькая, молоденькая! Глаза голубые, а волосы...

Ей не пришлѡсь дорисѡвывать портрѣт нѡвой учительницы. Отворилась дверь, и на порѡге появилась она сама — действительно, ѡчень молодая, голубоглазая, с двумя золотыстыми косами, уложенными, как венѡк, вокруг головы.

Ребята поднялись ей навстрѣчу, и в тишинѣ какая-то дѣвочка громко прошептала своей соседке:

— Ой, и правда, какая хорошенькая!

Учительница чуть замѣтно улыбнулась, подошла к своему столу, положила портфель и сказала:

— Здравствуйте, ребята! Вот вы какие! А мне говорили, что вы маленькие. Садитесь, пожалуйста.

Ребята сѣли.

Учительница прошлась по классу, остановилась, опять улыбнулась и сказала:

— Ну, давайте познакомимся. Меня зовут Елизавета Ивановна. А вас?

Ребята засмеялись. Учительница прошла к столу и раскрыла журнал.

— О, да вас тут много! Ну, давайте все-таки знакомиться. Антонова — кто это?

— Я! — сказала Вѣра Антонова поднимаясь.

— Ну, расскажи мне немножко о себе, — сказала учительница, присаживаясь к столу. — Как тебя зовут? Кто твой папа и мама? Где ты живешь? Как ты учишься?

— Учусь — ничего, хорошо, — сказала Вѣра.

Ребята зафыркали.

— Ну, садись, — усмехнулась учительница. — Поживём — увидим. Следующий — Ба́ринова.

— Я!

— А тебя́ как зову́т?

Ба́ринова сказа́ла, что её зову́т Тама́ра, что живёт она́ в соседнем до́ме, что ма́ма у неё буфе́тчица, а па́па у́мер, когда́ она́ ещё была́ ма́ленькая.

Пока́ она́ э́то рассказывала, Воло́дка Бессо́нов нетерпеливо ёрзал на своёй па́рте. Он знал, что его́ фами́лия следующая, и не мог дожда́ться о́череди.

Не успе́ла учи́тельница вы́звать его́, как он вскочи́л и затарато́рил:

— Меня́ зову́т Воло́дя. Мне оди́ннадцать лет. Мой па́па парикма́хер. У меня́ есть соба́ка Ту́зик...

— Тихо, тихо, — улыбу́лась учи́тельница. — Ла́дно, садись, хва́тит. О Ту́зике ты мне по́сле расска́жешь, а то я с твои́ми това́рищами не успею́ познако́миться.

Так она́ постепе́нно по алфа́виту опроси́ла полкля́сса. Наконе́ц подошла́ о́чередь но́венькой.

— Морóзова! — вы́кликнула учи́тельница.

Со всех сторо́н закрича́ли:

— Э́то но́венькая! Елиза́вета Ива́новна, она́ но́венькая! Она́ се́годня пе́рвый раз!

Учи́тельница внима́тельно посмотре́ла на ма́ленькую ху́денькую де́вочку, подня́вшуюся из-за своёй па́рты, и сказа́ла:

— Ах, вот как!

— Елизавета Ивановна! — закричал Володька Бессонов, поднимая руку.

— Ну что? — сказала учительница.

— Елизавета Ивановна, это девочка новенькая. Её зовут Морозова. Я её сегодня первый увидел...

— Да, да, — сказала Елизавета Ивановна. — Мы уже слышали об этом. Ну что ж, Морозова, — обратилась она к новенькой, — расскажи и ты о себе твоим новым товарищам.

Новенькая тяжело вздохнула и посмотрела куда-то в сторону, в угол.

— Меня зовут Валя, — сказала она. — Мне будет скоро двенадцать лет. Я родилась в Киеве и всё время там жила с папой и с мамой. А потом...

Тут она запнулась и совсем тихо, одними губами сказала:

— Потом мой папа...

Что-то мешало ей говорить.

Учительница вышла из-за стола.

— Хорошо, Морозова, — сказала она. — Хватит. Ты после расскажешь.

Но было уже поздно. У новенькой задрожали губы, она повалилась на парту и громко, на весь класс заплакала.

Ребята повскакали со своих мест.

— Что с тобой? Валя! Морозова! — крикнула учительница.

Нóвенькая не отвеча́ла. Она́ уткну́лась ли́цом в сло́женные на па́рте ру́ки и де́лала всё, что́бы сдержáть слёзы, но, как ни старáлась, как ни сжимáла зу́бы, слёзы всё текли́ и текли́, и пла́кала она́ всё грóмче и всё безуте́шнее.

Учи́тельница подошла́ к ней и положи́ла ру́ку ей на плечо́.

— Ну, Морóзова, — сказа́ла она́, — ми́лая, ну успоко́йся...

— Елиза́вета Ива́новна, мо́жет быть она́ больна́, — сказа́ла Ли́за Кумачо́ва.

— Нет, — сказа́ла учи́тельница.

Ли́за взгляну́ла на неё и уви́дела, что учи́тельница стои́т, закусив гу́бу, и что глаза́ у неё ста́ли му́тны и что она́ тяжело́ и порывисто ды́шит.

— Морóзова, не на́до, — сказа́ла она́ и погла́дила нóвенькую по голове́.

В э́то вре́мя за стено́й зазвенёл звоно́к, и учи́тельница, ни сло́ва не сказа́в, поверну́лась, прошла́ к своему́ столу́, взяла́ портфе́ль и бы́стро вы́шла из кла́сса.

Нóвенькую со всех сторо́н окружи́ли. Ста́ли её уговáривать, успокаивать. Кто́-то побежа́л в коридо́р за водо́й, и, когда́ она́, стуча́ зубáми, сде́лала не́сколько глотко́в из жестяно́й кру́жки, она́ успоко́илась немно́жко и да́же сказа́ла спáсибо́ тому́, кто ей принёс во́ду.

— Морóзова, что ты? Что с тобой? — спра́шивали вокру́г.

Нóвенькая не отвеча́ла, всхли́пывала, глота́ла слёзы.

— Да что с тобой? — не отставали ребята, наседа́я со всех сторо́н на па́рту.

— Ребя́та, уйди́те, — отга́лкивала их Ли́за Кума́чова. — Ну как вам не сты́дно! Ма́ло ли... Мо́жет быть, у неё кто-нибу́дь у́мер...

Эти слова́ поде́йствовали на ребя́т и на но́венькую. Но́венькая о́пять повали́лась ли́цом на па́рту и ещё гро́мче запла́кала, а ребя́та смути́лись, замолча́ли и ста́ли понемно́гу расходиться́.

Когда́ по́сле звонка́ Елиза́вета Ива́новна сно́ва появи́лась в кла́ссе, Морóзова уже́ не всхли́пывала, то́лько и́зредка шмы́гала но́сом и сжима́ла в руке́ ма́ленький, промо́кший до послéдней ни́точки плато́к.

Учи́тельница ей ниче́го бо́льше не сказа́ла и сра́зу же присту́пила к уро́ку.

Вме́сте со всем кла́ссом но́венькая писа́ла дикто́вку. Собира́я тетра́ди, Елиза́вета Ива́новна остано́вилась о́коло её па́рты и негро́мко спроси́ла:

— Ну как, Морóзова?

— Хорошо́, — пробурча́ла но́венькая.

— Мо́жет быть, тебе́ лу́чше все́-таки пойти́ домо́й?

— Нет, — сказа́ла Морóзова и отверну́лась.

Бо́льше за весь день Елиза́вета Ива́новна к ней не обра́щалась и не вызы́вала её ни на ру́сском, ни на арифме́тике. Товари́щи то́же оста́вили её в поко́е. В конце́ концов, что тут тако́го о́собенно интере́сного в том, что ма́ленькая де́вочка запла́кала на уро́ке? О ней про́сто забы́ли. То́лько

Ліза Кумачова почти каждую минуту спрашивала у неё, как она себя чувствует, и новенькая или говорила ей спасибо, или ничего не отвечала, а только кивала головой.

Кое-как досидела она до конца уроков, и не успел отзвенеть последний звонок, как она торопливо собрала свои книжки и тетрадки, затулила их ремешком и побежала к выходу.

У вешалки, постукивая номерком о прилавок, уже стоял Володька Бессонов.

— Вы знаете, нянечка, — говорил он, — у нас в классе новенькая. Её зовут Морозова. Она с Украины приехала. Белобрысая такая... Вот она! — сказал он, увидев Морозову. Потом он посмотрел на девочку, сморщил нос и сказал: — Что, плакса-вакса, не удалось обскакать? Я всё-таки первый ухожу. Да-с...

Новенькая посмотрела на него с удивлением, а он прищёлкнул языком, повернулся на каблуках и стал натягивать пальто — как-то по-особенному всовывая руки в оба рукава сразу.

Из-за Володьки новенькой не удалось уйти незамеченной из школы. Пока она одевалась, в раздевалку набился народ.

Застегивая на ходу своё коротенькое пальтецо с белым заячьим воротником, она вышла на улицу. Почти следом за ней выбежала на улицу Лиза Кумачова.

— Морозова, тебе в какую сторону? — сказала она.

— Мне сюда, — показала налево новенькая.

— Ой, по пути, значит, — сказала Лиза, хотя итти ей нужно было совсём в другую сторону. Просто ей очень хотелось поговорить с новенькой. — Ты на какой улице живёшь? — спросила она, когда они дошли до угла.

— А что? — спросила новенькая.

— Ничего... Просто так.

— На Ковенском, — сказала новенькая и зашагала быстрее.

Лиза еле-еле попевала за ней. Ей очень хотелось как следует расспросить новенькую, но она не знала, с чего начать.

— Пра́вда, Елиза́вета Ива́новна хороше́нькая? — сказа́ла она́.

— Ничего́, — пожа́ла плеча́ми но́венькая.

Здесь, на у́лице, в своём лёгком пальти́шке она́ каза́лась ещё ме́ньше, чем в кла́ссе. Нос и всё лицо́ у неё на моро́зе стра́шно покрасне́ли. Ли́за реши́ла, что лу́чше всего́ загово́рить для нача́ла о пого́де.

— У вас там, на Укра́йне, что — тепле́е и́ли холодне́е? — сказа́ла она́.

— Тепле́й немно́жко, — сказа́ла но́венькая.

Вдруг она́ убави́ла шаг, посмотре́ла на свою́ спутни́цу и сказа́ла:

— Скажи́, э́то о́чень глупо́, что я так реве́ла сего́дня в кла́ссе?

— Ну, почему́? — пожа́ла плеча́ми Ли́за. — У нас то́же де́вочки пла́чут... А ты почему́ пла́кала, что у тебя́ случи́лось, а?

Она́ ду́мала почему́-то, что но́венькая ей не отве́тит. Но та посмотре́ла на Ли́зу и сказа́ла:

— У меня́ па́па пропа́л.

Ли́за да́же остано́вилась от уди́вления.

— Как пропа́л? — сказа́ла она́.

— Он ле́тчик, — сказа́ла но́венькая.

— А где он — там у вас пропа́л?

— Нет, здесь, на э́том фро́нте...

Ли́за откры́ла рот.

— Он что у тебя́ — на войне́?

— Ну да, конечно, — сказала новенькая.

Лиза посмотрела на неё и увидела, что у неё в глазах опять блестят слёзы.

— Чего ж ты молчала, не говорила?

— А что ж говорить? Сейчас у многих — у кого брат, у кого отец на фронте.

— А как же он пропал? — сказала Лиза.

— Ну, как вообще на войне пропадают... Улетел, и никто не знает, что с ним. Полтора месяца от него писем не было.

— Может быть, некогда ему? — неуверенно сказала Лиза.

— Ему и всегда некогда, — сказала новенькая. — А он всё-таки в сентябре оттуда восемь листиков прислал.

— Да, — покачала головой Лиза. — А вы когда, давно сюда приехали?

— Мы сразу вместе с ним приехали, как только война началась — на третий день. Его командиром эскадрильи назначили.

— И мама твоя приехала?

— Конечно.

— Ох, наверно, она тоже волнуется? — сказала Лиза. — Плачет, наверно, да?

— Нет, — сказала новенькая. — Моя мама умеет не плакать...

Она посмотрела на Лизу, сквозь слёзы усмехнулась и сказала:

— А я вот не умею...

Ліза хотела сказа́ть ей что-нибу́дь хоро́шее, тёплое, утеші́тельное, но в э́ту мину́ту но́венькая остано́вилась и протяну́ла ей ру́ку:

— Ну, до свиданья! Тепе́рь я одна́ пойду́.

— Почему́? — удиви́лась Ліза. — Э́то ж ещё не Ко́венский. Я тебя́ провожу́.

— Нет, нет, — сказа́ла но́венькая и, торопли́во пожа́в Лізину ру́ку, побежа́ла да́льше одна́.

Ліза ви́дела, как она́ сверну́ла за́ угол, в Ко́венский переу́лок. Из любопы́тства Ліза дошла́ до угла́, но когда́ она́ загляну́ла в переу́лок, но́венькой там уже́ не́ было.

* * *

На сле́дующее у́тро Ва́ля Морóзова пришла́ в класс о́чень по́здно, пе́ред са́мым звонко́м. Когда́ она́ появи́лась в клáссе, там срáзу ста́ло о́чень т́ихо, хотя́ за мину́ту до э́того там стоя́л тако́й шум, что в о́кнах звене́ли стёкла, а мёртвые ба́бочки в клáссной коллѐкции шевели́ли кры́лышками, как живы́е. По тому́, как уча́стливо и жа́лостливо все на неё посмотре́ли, но́венькая поняла́, что Ліза Кумачо́ва уже́ успе́ла расска́зать о вчерашнем их разгово́ре на у́лице. Она́ покрасне́ла, смути́лась, пробормотала́: «Здра́вствуйте», и весь класс, как оди́н челове́к, отве́тил ей:

— Здра́вствуй, Морóзова!

Ребятам, конечно, было очень интересно узнать, что у неё слышно нового и нет ли известий от отца, но никто не спросил у неё об этом, и только Ли́за Кумачо́ва, когда новенькая уселась рядом с ней на парту, негромко сказала:

— Что, нет?

Морозова покачала головой и глубоко вздохнула.

За ночь она ещё больше осунулась и похудела, но, как и вчера, жиденькие белокурые косички её были тщательно заплетены, и в каждой из них болтался зелёный шелковый бантик.

Когда зазвенел звонок, к парте, где сидели Морозова и Кумачова, подошёл Володька Бессонов.

— Здравствуй, Морозова! С добрым утром! — сказал он. — Сегодня погода хорошая. Двадцать два градуса только. А вчера двадцать девять было.

— Да, — сказала Морозова.

Володька постоял, помолчал, почесал затылок и сказал:

— А что, интересно, на Украине снег бывает?

— Бывает.

— Больше, чем у нас?

— Поменьше.

— Интересно, — сказал Володька, покачивая головой.

Потом он ещё помолчал и сказал:

— А как, интересно, будет по-украински собака? А?

— А что? — сказала Морозова. — Так и будет: собака.

— Гм, — сказа́л Воло́дька. Потóм он вдруг тяжело́ вздохну́л, покрасне́л, шмыгну́л но́сом и пробормота́л: — Ты... э́то... как егó... не сердя́сь, что я тебя́ вчера́ пла́ксо́й-ва́ксо́й назва́л.

Но́венькая улыбу́лась и ниче́го не отве́тила. А Воло́дька ещё раз шмыгну́л но́сом, поверну́лся на каблукé и отпра́вился к своéй па́рте. Че́рез мину́ту Морóзова услы́шала егó звóнкий, захлёбывающийся го́лос:

— Реба́та, вы зна́ете, как по-укра́ински бу́дет соба́ка? Не зна́ете? А я зна́ю...

— Ну, как же, интере́сно, бу́дет по-укра́ински соба́ка?

Воло́дька огляну́лся. В дверя́х с портфе́лем подмышкой сто́яла Елиза́вета Ива́новна.

— Соба́ка — соба́ка и бу́дет, Елиза́вета Ива́новна, — сказа́л Воло́дька, поднимая́сь вме́сте с други́ми навстре́чу учи́тельнице.

— Ах, вот как! — улыбу́лась Елиза́вета Ива́новна. — А я ду́мала, как-нибу́дь поинтере́снее. Здра́вствуйте, това́рищи! Садя́тесь, пожа́луйста.

Она́ положи́ла на сто́лик портфе́ль, попра́вила на заты́лке во́лосы и о́пять улыбу́лась.

— Ну, как пожива́ют на́ши уро́ки?

— Ниче́го, Елиза́вета Ива́новна, спса́сибо! Жя́вы-здору́вы! — закрича́л Воло́дька.

— А э́то мы сейча́с уви́дим, — сказа́ла учи́тельница, раскрыва́я кла́ссный журна́л.

Взгляд её пробежал по списку учеников. Все, кто не очень уверенно чувствовал себя в этот день в арифметике, съёжились и насторожились, только Володька Бессонов нетерпеливо подпрыгивал на своей задней парте, мечтая, как видно, что его и тут вызовут первым.

— Морозова, к доске! — сказала учительница.

Почему-то по классу пробежал шопот. Всем показалось, наверно, что это не очень-то хорошо, что вызывают Морозову. Можно было бы сегодня её не беспокоить.

— Отвечать можешь? — спросила у новенькой учительница. — Уроки выучила?

— Выучила. Могу, — чуть слышно ответила Морозова и пошла к доске.

Отвечала она урок очень плохо, путалась и сбивалась, и Елизавета Ивановна несколько раз обращалась за помощью к другим и всё-таки не отпускала её и держала у доски, хотя все видели, что новенькая еле стоит на ногах и что мел у неё в руке дрожит, а цифры на доске прыгают и не хотят стоять прямо.

Лиза Кумачова готова была расплакаться. Она не могла спокойно смотреть, как бедная Валя Морозова в десятый раз выписывает на доске неправильное решение, стирает его и пишет снова, и опять стирает, и опять пишет. А Елизавета Ивановна смотрит на неё, качает головой и говорит:

— Нет, неправильно. Опять неправильно.

«Ах, — думала Лиза, — если бы Елизавета Иванов-

на зна́ла! Е́сли бы она́ зна́ла, как тяжело́ сейча́с Ва́ле! Она́ бы отпу́стила её. Она́ бы не ста́ла её му́чить».

Ей хоте́лось вскочи́ть и закрича́ть:

«Елиза́вета Ива́новна! Хва́тит! Дово́льно!..»

Наконе́ц но́венькой удало́сь написа́ть пра́вильное реше́ние. Учи́тельница отпу́стила её и поста́вила в журна́ле отме́тку.

— Тепе́рь попроси́м к доске́ Бессо́нова, — сказа́ла она́.

— Так и зна́л! — закрича́л Воло́дька, вылеза́я из-за своёй па́рты.

— А уро́к ты зна́ешь? — сказа́ла учи́тельница. — Зада́чи реши́л? Не тру́дно бы́ло?

— Хе! Ле́гче пу́ха и пера́, — сказа́л Воло́дька, подходи́ к доске́. — Я, вы зна́ете, за де́сять мину́т все во́семь шту́чек реши́л.

Елиза́вета Ива́новна дала́ ему́ зада́чу на э́то же пра́вило. Воло́дька взял мел и задума́лся. Так он ду́мал мину́т пять, е́сли не бо́льше. Он верте́л в па́льцах огры́зок ме́ла, писа́л в уголке́ доски́ какие-то ма́ленькие ци́фры, стира́л их, чеса́л нос, чеса́л заты́лок.

— Ну как же? — не выде́ржала наконё́ц Елиза́вета Ива́новна.

— Мину́точку, — сказа́л Воло́дька. — Мину́точку... я сейча́с. Как же э́то?..

— Садис́ь, Бессо́нов, — сказа́ла учи́тельница.

Воло́дька положи́л мел и, ни сло́ва не говори́, верну́лся на своё ме́сто.

— Видели? — обратился он к ребятам. — Каких-нибудь пять минуток у доски постоял и целую двойку заработал!

— Да, да, — сказала Елизавета Ивановна, оторвавшись от журнала. — Одним словом, легче пуха и пера.

Ребята долго смеялись над Володькой. Смеялись и Елизавета Ивановна и сам Володька. И даже новенькая улыбалась, но видно было, что ей не смешно, что улыбается она только из вежливости, за компанию, а на самом деле ей не смеяться, а плакать хочется. И, взглянув на неё, Лиза Кумачова поняла это и первая перестала смеяться.

В перемену несколько девочек собрались в коридоре, у кипяточного бака.

— Вы знаете, девочки, — сказала Лиза Кумачова, — я хочу поговорить с Елизаветой Ивановной. Надо ей рассказать про новенькую... чтобы она с ней не так строго. Ведь она не знает, что у Морозовой такое несчастье.

— Пойдёмте поговорим с ней, — предложила Шмулинская.

И девочки гурьбой побежали в учительскую.

В учительской несколько педагогов, громко разговаривая, стояли перед большой картой Европы.

— От Лондона до Берлина всего полтора летних часа, — говорил высокий и худой учитель географии Фамусов.

— А до Гамбурга? Скажите, а до Гамбурга? — спра-

шивала у него рыжая Ма́рья Васи́льевна из четвёртого «А».

Ли́за Кумачо́ва грóмко ка́шлянула.

— Вам что, ребята? — спросила Ма́рья Васи́льевна, оторва́вшись от ка́рты.

— Елизаветы Ива́новны тут нет? — спросили де́вочки.

Учи́тельница перегляну́лась с други́ми и показа́ла голово́й на сосе́дную ко́мнату.

— Елизавета Ива́новна! — крикнула она́. — Вас де́вочки спра́шивают.

Елизавета Ива́новна стоя́ла у окна́. Когда́ Кумачо́ва и други́е вошли́ в ко́мнату, она́ бы́стро поверну́лась, подошла́ к столу́ и склонилась над гру́дой тетра́док.

— Да? — сказа́ла она́, и де́вочки уви́дели, что она́ то-ропли́во вытира́ет платко́м глаза́. — Что вы хоте́ли? — спросила́ она́, внима́тельно перели́стывая тетра́дку и что́-то разгля́дывая там.

— Елизавета Ива́новна, — сказа́ла, выступая́ вперёд, Ли́за, — мы хоте́ли... это... мы хоте́ли погово́рить относительнó Ва́ли Моро́зовой.

— Ну? Что? — сказа́ла учи́тельница и, оторва́вшись от тетра́дки, внима́тельно посмотре́ла на де́вочек.

— Вы зна́ете, — сказа́ла Ли́за, — ведь у неё оте́ц...

— Да, да, де́вочки, — переби́ла её Елизавета Ива́новна. — Я зна́ю об это́м. Моро́зова о́чень страда́ет. И это́ хоро́шо, что вы о ней заботитесь. Не на́до то́лько показывать, что вы её жалёете, что она́ несча́стнее други́х. Она́

очень слабая, болезненная... в августе у неё был дифтерит. Надо, чтобы она поменьше думала о своём горе. Сейчас о своём думать много нельзя — не время. Ведь у нас, милые мои, самое ценное, самое дорогое в опасности — наша родина. А что касается Вали — будем надеяться, что отец её жив.

Сказав это, она опять склонилась над тетрадкой.

— Елизавета Ивановна, — сказала, засопев, Шмулинская, — а вы почему плачете?

— Да, да! Что с вами, Елизавета Ивановна? — сказали, окружив учительницу, остальные девочки.

— Я? — повернулась к ним учительница. — Да что с вами, голубушки? Я не плачу. Это вам показалось. Это, наверное, с мороза у меня глаза заслезились. И потом — здесь так накурено...

Она помахала рукой около своего лица.

Шмулинская понюхала воздух. В учительской табаком не пахло. Пахло сургучом, чернилами, чем угодно, только не табаком.

В коридоре затрещал звонок.

— Ну, шагом марш! — весело сказала Елизавета Ивановна и стала выталкивать девочек из комнаты.

В коридоре девочки остановились и переглянулись.

— Плакала, — сказала Макарова.

— Ну, факт, что плакала, — сказала Шмулинская. — И не накурено ни чуточки. Я даже воздух понюхала.

— Вы знаете, девочки, — сказала, подумав, Лиза: — я думаю, что у неё тоже какое-нибудь несчастье...

После этого Елизавету Ивановну никогда больше не видели с заплаканными глазами. И в классе, на уроках она всегда была весёлая, шутила, смеялась, а в большую перемену даже играла с ребятами во дворе в снежки.

К Морозовой она относилась так же, как и к остальным ребятам, и отметки ставила строго.

Училась Морозова неровно — то отвечала на «отлично», а то вдруг подряд получала несколько «плохо». И все понимали, что это не потому, что она лентяйка или неспособная, а потому, что, наверно, дома она вчера весь вечер проплакала и мама её, наверно, плакала, и — где уж тут заниматься!

А в классе Морозова тоже больше никогда не плакала. Может быть, это потому, что никто никогда не заговаривал с ней об отце, даже самые любопытные девочки, даже Лиза Кумачова. Да и что было спрашивать? Если бы отец её вдруг нашёлся, она бы и сама, наверно, сказала, да и говорить не надо — по глазам было бы видно.

Только один раз Морозова не выдержала. Это было уже в конце месяца. В школе собирали подарки для посылки бойцам на фронт. После уроков, уже в сумерках, собрались ребята в классе, шили мешочки, набивали их конфетами, яблоками, папиросами. Валя Морозова тоже работала вместе со всеми. И вот тут, когда она зашивала один из мешочков, она заплакала. И несколько слезинок

капнуло на этот парусиновый мешок. И все это увидели и поняли, что, наверно, в эту минуту она подумала об отце. Но никто ей ничего не сказал. И скоро она перестала плакать.

А на другой день Морозова не пришла в школу. Всегда она приходила одной из первых, а тут уже прозвенел звонок, и все расселись по своим местам, и уже Елизавета Ивановна показала в дверях, а её всё не было.

Учительница, как всегда, приветливо поздоровалась с классом, села за столик и принялась перелистывать журнал.

— Елизавета Ивановна, — крикнула с места Лиза Кумачова, — вы знаете, почему-то Морозовой нет!

Учительница оторвалась от журнала.

— Морозова сегодня не придёт, — сказала она.

— Как не придёт? Почему не придёт? — слышалось со всех сторон.

— Морозова заболела, — сказала Елизавета Ивановна.

— А что? Откуда вы знаете? Что, разве мама её приходила?

— Да, — сказала Елизавета Ивановна. — Приходила мама.

— Елизавета Ивановна, — закричал Володька Бессонов, — может быть, у неё отец нашёлся?

— Нет, — покачала головой Елизавета Ивановна и сразу же заглянула в журнал, захлопнула его и сказала: — Бариниу Тамару прошу к доске.

...На друго́й день Морóзова то́же не пришла́. Ли́за Кумачо́ва и ещё не́сколько де́вочек реши́ли по́сле уро́ков пойти́ её прове́дать. В большо́ую перемену́ они́ подошли́ в коридо́ре к учи́тельнице и сказа́ли, что хоте́ли бы наве́стить большо́ую Морóзову, нельзя́ ли узна́ть её а́дрес.

Елиза́вета Ива́новна подумала́ мину́тку и сказа́ла:

— Нет, де́вочки. У Морóзовой, ка́жется, анги́на, а это опа́сно. Не сто́ит к ней ходи́ть.

И, ниче́го бо́льше не сказа́в, пошла́ в учи́тельскую.

А сле́дующий день был выходно́й.

Накануне́ Ли́за Кумачо́ва о́чень до́лго провози́лась с уро́ками, легла́ по́зже всех и собралась́ как сле́дует поспáть, часо́в до десяти́ или до о́дннадцати. Но бы́ло ещё совсе́м темно́, когда́ её разбудил о́глушительный звоно́к на кúхне.

В полусне́ она́ слы́шала, как мать открывáет дверь, пото́м услы́шала знако́мый го́лос и не срáзу могла́ сообра́зить, че́й это́ го́лос.

Захлёбываясь и проглатывая слова́, кто́-то грóмко говори́л на кúхне:

— У нас в клáссе есть де́вочка. Она́ с Укра́ины при́ехала. Её зову́т Морóзова...

«Что такóе? — подумала́ Ли́за. — Что случи́лось?»

Второпя́х она́ натянула́ за́дом наперёд пла́тье, сунула но́ги в ва́ленки и вы́бежала на кúхню.

Разма́хивая рука́ми, Воло́дька Бессо́нов что́-то объяснял Ли́зиной ма́ме.

— Бессо́нов! — окли́кнула его́ Ли́за.

Воло́дька да́же не сказа́л «с до́брым у́тром».

— Кумачо́ва! — кину́лся он к Ли́зе. — Ты не зна́ешь, как Морóзовой отца́ зову́т?

— Нет, — сказа́ла Ли́за. — А что тако́е?

— Он не капита́н?

— Не зна́ю. А что? В чём де́ло?

Воло́дька прище́лкнул язы́ком, покача́л голово́й.

— Пло́хо, е́сли не капита́н, — сказа́л он.

— Да что тако́е? — чуть не закрича́ла Ли́за.

— Понима́ешь, — сказа́л Воло́дька, — у меня́ е́сть соба́ка. Её зову́т Ту́зик. Я её ка́ждый выходно́й вожу́ гуля́ть. У́тром.

— Како́й Ту́зик? — ниче́го не понима́я, спроси́ла Ли́за.

— Ту́зик. Соба́ка. Ну, не в э́том де́ло. О́дним сло́вом, я её повёл гуля́ть. А на у́лице ра́дио. И передаю́т ука́з. Понима́ешь? О награжде́ниях бойцо́в и командиро́в. Я слýшаю и вдруг слы́шу: «За проя́вленную до́блесть...» и так да́лее «...присво́ить зва́ние Геро́я Советско́го Сою́за командиро́у эскадри́льи, капита́ну Морóзову Ива́ну...» и како́е-то о́тчество, я то́лько не разобрáл, тру́дное како́е-то...

— Командиро́у эскадри́льи? Пра́вда? — сказа́ла Ли́за.

— Вот в то́м-то и де́ло... Я ду́маю, мо́жет э́то он? Ведь он ле́тчик?

— Ну да, коне́чно, — сказа́ла Ли́за. — Ой, как бы узна́ть, как его́ зову́т?

— Я ж тебе говорю — Ива́н зову́т... забы́л то́лько о́тчество... Фик-ти-ли́с-тович, ка́жется.

— Филимо́нович, мо́жет быть? — сказа́ла Ли́зина ма́ма.

— Нет, — сказа́л Воло́дька. — Фиксти́листович.

— А мо́жет, э́то не он? — сказа́ла Ли́за.

— А вы к э́той Моро́зовой побегите, — посове́товала мать. — Чего́ ж лу́чше-то? Вот и узна́ете.

— Я же её а́дреса не зна́ю! — чуть не пла́ча, сказа́ла Ли́за.

— Как? — испуга́лся Воло́дька. — Не ври! Не зна́ешь, где она́ живёт?

— Нет, — сказа́ла Ли́за. — Зна́ю то́лько, что в Ко́венском переу́лке, в пе́рвом и́ли во второ́м до́ме от угла́.

— Эх! — сказа́л Воло́дька. — А я-то, дура́к, бежа́л, да́же Ту́зика на у́лице бро́сил. Я ду́мал, ты зна́ешь. Ведь вы же подро́уги...

— Зна́ю то́лько, что в Ко́венском, — расте́рянно повто́рила Ли́за.

— В Ко́венском? — подума́в, переспроси́л Воло́дька. — Говори́шь, второ́й дом от угла́?

— Да. Второ́й... И́ли пе́рвый... И́ли, мо́жет быть, тре́тий...

— Мо́жет быть, два́дцать тре́тий, — сказа́л Воло́дька. — А ну, одева́йся, побежа́ли! Мо́жет, найде́м.

Че́рез де́сять мину́т они́ уже́ бы́ли в Ко́венском переу́лке.

— Под воро́тами есть такие́ до́ски, — говори́л Воло́дь-

ка, — деревянны́е. Там написа́но, где како́й жи́лец живёт. Будем иска́ть Морозовых.

Они́ обошли́ пять или́ шесть до́мов, прогляде́ли все до́ски, и ни́где Морозовых не́ было.

Воло́дка уже́ стал руга́ться и говори́ть, что, наве́рно, Ли́за пута́ет что-нибу́дь и что напрáсно он оста́вил на у́лице Ту́зика.

Он уже́ хоте́л на всё плю́нуть и бежа́ть разы́скивать свое́го Ту́зика, как вдруг Ли́за схвати́ла его́ за́ руку.

— Бессо́нов, смотри́! — сказа́ла она́. — Елиза́вета Ива́новна идёт.

Воло́дка посмотре́л и уви́дел, что по у́лице действи́тельно идёт Елиза́вета Ива́новна, их учи́тельница. Они́ побежа́ли ей навстре́чу и так разлетели́сь, что чуть не сб́или её с ног.

— Елиза́вета Ива́новна, здравствуйте! С до́брым у́тром! — заговори́ли они́ в оди́н го́лос.

Учи́тельница испуганно попя́тилась.

— Здравствуйте, ребя́та, — сказа́ла она́.

— Елиза́вета Ива́новна, — не дав ей опомни́ться, заговори́л Воло́дка, — вы не зна́ете случа́йно, где Ва́ля Морозова живёт?

— А что тако́е? — спроси́ла учи́тельница.

— Ой, вы бы зна́ли! — сказа́ла Ли́за. — Нам, пра́мо я сказа́ть не могу́, до чего́ её ну́жно ви́деть!

— Елиза́вета Ива́новна! Вы же зна́ете, наве́рно, — сказа́л Воло́дка.

— Да, — сказа́ла, поду́мав, учи́тельница, — зна́ю. Мо́розова здесь вот, в э́том кирпи́чном до́ме, живёт.

— И кварти́ру зна́ете?

— И кварти́ру зна́ю, — сказа́ла учи́тельница. — А в чём де́ло?

— Вы понима́ете, Елиза́вета Ива́новна, — сказа́ла Ли́за, — у неё, ка́жется, оте́ц нашёлся.

— У ко́го? — сказа́ла учи́тельница.

— У Ва́ли.

И тут ребя́та уви́дели, что Елиза́вета Ива́новна побледне́ла, как снег, и что гу́бы у неё задёргались — не то она́ хо́чет смея́ться, не то пла́кать.

— Что? — сказа́ла она́. — Что вы говори́те?

Ребя́та, пута́ясь и перебива́я друг дру́га, рассказа́ли ей о том, что передава́ли се́годня́ у́тром по ра́дио.

Когда́ де́ло дошло́ до о́тчества капита́на Морóзова, Во́лдька о́пять застря́л.

— Фи́ликт... — на́чал он, — или Фи́ликт...

— Феокти́стович, — сказа́ла учи́тельница.

— Пра́вильно! Во-во! — закрича́л Во́лдька. — Феокте́листович!.. Елиза́вета Ива́новна, а отку́да вы зна́ете?

Учи́тельница закры́ла рукóй глаза́.

— Идёмте, — сказа́ла она́. — Идёмте скорей́ к Морóзовой...

И она́ побежа́ла так бы́стро, что ребя́та едва́ успева́ли за ней, а прохо́жие останáвливались и смотре́ли ей вслед.

— Сюда, — сказала она ребятам и свернула в ворота большого кирпичного дома, второго от угла.

— Ну что? Я тебе говорила! — сказала Володьке Лиза.

— Елизавета Ивановна, — сказал Володька, — мы уже тут были. Тут никаких Морозовых нет.

— Идёмте, идёмте, ребята, — сказала Елизавета Ивановна, не останавливаясь.

— Елизавета Ивановна, ведь правда? — сказала Лиза, когда они уже поднимались по чёрной лестнице. — Ведь, может, это и в самом деле Валин отец?

— Да, милая, — сказала Елизавета Ивановна. — Это он. Иван Феоктистович Морозов, капитан, командир эскадрильи. Это Валин отец.

На площадке четвертого этажа учительница остановилась, вынула из сумочки ключ и открыла этим ключом французский замок. Ребята не успели удивиться, как она распахнула дверь и сказала:

— Пожалуйста, милости просим!

В коридоре было темно.

— Осторожно, — сказала Елизавета Ивановна, — здесь сундук.

И хотя она это сказала, Володька всё-таки успел наткнуться на этот сундук. От неожиданности он вскрикнул.

— Мама, это ты? — слышался за дверью тоненький голосок, и ребята узнали голос Вали Морозовой.

— Я, — сказала Елизавета Ивановна, распахнув дверь.

— Что ты так скоро? Уже достала?

— Нет, доченька, — сказала Елизавета Ивановна, — я не достала газету. Но зато посмотри, какую я тебе привела замечательную живую газету!

Валя Морозова лежала в постели. Приподнявшись над подушкой, она испуганно и смущенно смотрела на Володьку и Лизу, которые, не менее смущенные и не менее испуганные, остановились в дверях.

Минуту Валя смотрела на них, потом вдруг вскрикнула и быстро спряталась с головой под одеяло.

Елизавета Ивановна подбежала к её кровати и стала стягивать с неё одеяло.

— Вылезай, вылезай! — сказала она. — Хватит нам прятаться. Горевали мы в одиночку, а радоваться будем вместе...

И она так громко засмеялась, что Валя не выдержала и высунулась из-под одеяла.

— Что? — сказала она.

Елизавета Ивановна опустилась на колени около её кровати и обняла девочку.

— Валечка, папа жив! — сказала она.

Несколько секунд Валя внимательно смотрела на неё, потом уронила голову в подушку и тихо заплакала.

А когда она оторвалась от подушки, ребята увидели, что она уже не плачет, а смеется.

И тут только, когда она засмеялась, и Володька и Лиза вдруг в первый раз заметили, что она очень хорошенькая

и что у неё бѣлые зѹбы и о́чень краси́вые золоти́стые вѹло-
сы, а са́мое гла́вное, что она́, как две ка́пли воды́, похо́жа
на Елиза́вету Ива́новну.

Ребѣята удиви́лись, хотя́ ниче́го удиви́тельного, коне́чно,
в э́том не́ было.

СОДЕРЖАНИЕ

На я́лике	3
Гла́вный инже́нёр	26
Че́стное сло́во	49
Но́венькая	59

~~4672~~
15485

~~29477~~

*Государственное издательство детской
литературы Министерства просвещения
РСФСР просит учителей нерусских
школ сообщить свои отзывы о данной
книге по адресу: Москва, Малый Чер-
касский пер., д. 1, Детгиз.*

Для начальной школы

Ответственный редактор *Г. Каримова*

Художественный редактор *Б. Дехтерев*

Технический редактор *О. Чеботарева*

Корректоры *М. Зубков* и *Е. Трушковская*

Подписано к печати 19/VI 1947 г. 6 п. л.
(3,2 уч.-изд. л.). 24 000 зн. в п. л.

Тираж 30 000 экз. А06050. Заказ № 485.

Цена 2 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза.

Москва, Суцеский вал, 49.

250   *200 =*
Цена 2 р. ~~50~~ к.

